

ВАКАНСИЯ: СМЕРТЬ

Хуже смерти может быть
только непрофессиональная смерть.

Евгений Павлиди

Вакансия: Смерть

<https://litres.ru/74070691>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть устала быть крайней за всё человечество. Её боялись, обвиняли, проклинали и ни разу не спросили, нужен ли ей отпуск. А потом она насмотрелась роликов о личных границах, сходила к психологу-тарологу и решила: хватит. Пора выбрать себя.

Смерть ушла с работы.

Сначала люди обрадовались: никто больше не умирает. Но очень быстро выяснилось, что бессмертие без избавления от боли, старости, аварий, болезней и бюрократии — не подарок, а катастрофа.

Канцелярия открывает вакансию Смерти. На должность идут ангелы, демоны, чиновники, коучи, философы, блогеры и даже искусственный интеллект. Каждый уверен, что справится лучше.

И каждый ошибается.

Потому что Смерть — это не убийство. Это мера.

«Вакансия: Смерть» — сатирическое фэнтези о выгорании, модных советах, вечной бюрократии и работе, которую все ненавидят, пока кто-то не начинает выполнять её хуже.

Содержание

Глава 1	4
Должность, которую нельзя закрыть конкурсом	4
Глава 2	20
Самая неблагодарная работа	20
Глава 3	42
Жалоба умершего	42
Глава 4	68
Ролики, которые нельзя было смотреть	68
Глава 5	94
Консультация у специалиста по себе	94
Гл	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Евгений Павлиди

Вакансия: Смерть

Глава 1

Должность, которую нельзя закрыть конкурсом

Шеф не запрещал сотрудникам думать. Он только просил делать это осторожно, по одному и желательно не перед обедом. Потому что в Канцелярии любая свежая мысль сначала выглядела как улучшение, потом как совещание, а потом как бедствие с печатью.

Канцелярия с утра шумела так, будто вечность опять не успевала к сроку.

Хотя, если говорить честно, она никогда к нему не успевала. Сроки в Канцелярии были странной вещью: вроде бы вечность, спешить некуда, а все всё равно бежали с таким лицом, будто конец света уже начался и теперь требовал подпись начальника отдела.

По широкому мраморному холлу неслись сотрудники. Ангел из отдела приёма душ тащил стопку папок, прижимая

их подбородком. Папки всё равно расползались, как тараканы при включённом свете. Две младшие сущности пытались поймать сбежавшее дело о случайном совпадении, которое, пользуясь случаем, уже трижды совпало не там, где надо. Возле автомата вечного кофе стоял старый бес в коричневом жилете и ругался с аппаратом.

— Я просил крепкий, — говорил бес.

Автомат булькнул и выдал стаканчик с надписью: «Надежда».

Бес посмотрел внутрь.

— Это не кофе.

Автомат мигнул: «Зато полезнее».

— Я тебе сейчас покажу полезнее, — сказал бес и пнул автомат копытом.

Автомат обиделся и выдал ему чек на три страницы.

В этот момент мимо пронеслись две сущности из отдела мелких чудес, несли какую-то сияющую вешалку, спорили, кому она вообще нужна, и на повороте не вписались. Вешалка с грохотом упала прямо бесу на плечо.

— Да чтоб вам всем по три века без выходных! — взвыл бес.

— У нас и так без выходных! — радостно ответила одна сущность.

— Тогда по четыре!

Ангел у двери вздрогнул, сделал шаг назад и тут же наступил на хвост кому-то невидимому. Из пустоты раздался

обиженный писк.

— Простите, — сказал ангел.

— Все так говорят, — ответила пустота. — А хвост один.

Над всем этим висела большая строгая табличка:

КАНЦЕЛЯРИЯ

Отделы жизни, смерти, переходов, судебных и иных вопросов, которые люди всё равно потом обжалуют.

Под табличкой стояла очередь. Очередь в Канцелярии была отдельной формой жизни. Она умела расти, изгибаться, занимать коридоры, переходить из одного отдела в другой и возвращаться к началу, не испытывая по этому поводу ни малейшего стыда.

В очереди спорили трое ангелов, один демон, два архивариуса и седая женщина из отдела спорных совпадений. Женщина доказывала, что если человек третий раз подряд опаздывает на самолёт и благодаря этому избегает катастрофы, то это уже не совпадение, а бардак в маршрутизации судьбы.

— У вас нет подписи сектора вероятности, — говорил архивариус демону.

— Зато у меня есть печать срочности, — отвечал демон.

— Печать срочности без подписи вероятности не даёт срочности.

— А что даёт?

— Повод вернуться в конец очереди.

Демон посмотрел на конец очереди. Конец очереди терял-

ся где-то за колонной, потом, судя по звукам, заходил в соседний отдел и, возможно, там создавал семью.

— У вас тут ад, — сказал демон.

Архивариус устало поправил очки.

— Ад этажом ниже. У нас приём по записи.

И вот через этот живой, шумный, абсолютно рабочий беспорядок шёл новый Управляющий Канцелярии.

Он был собран, свеж, аккуратен и опасно уверен в себе. Такие люди всегда хорошо выглядят до первого столкновения с реальностью. На нём был тёмный костюм, идеально ровный значок временного допуска и выражение лица человека, который ещё не понял, что в Канцелярии нельзя просто так взять и улучшить вечность.

Под мышкой он нёс папку.

Папка была толстая, новая, с золотыми буквами на обложке:

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЕЧНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ниже, мелко и очень уверенно:

Версия 1.0

Такие папки в Канцелярии знали. Их обычно приносили новые сотрудники, вдохновлённые карьерой, порядком и личной трагической недооценкой масштабов происходящего. В папках всегда было много таблиц, стрелок, красивых

слов и ни одной живой проблемы, которая согласилась бы в эти таблицы лечь.

Новый Управляющий остановился у приёмной Шефа.

Перед дверью сидела секретарь. На её столе лежали три стопки документов: «Срочно», «Очень срочно» и «Люди опять что-то придумали». Последняя стопка была такой высокой, что возле неё пришлось поставить маленькую лестницу.

Секретарь что-то писала, одновременно слушала три звонка и взглядом удерживала на месте письмо, которое пыталось улететь.

— К Шефу? — спросила она, не поднимая глаз.

— Да. Новый Управляющий Канцелярии.

— По какому вопросу?

— Оптимизация вечных процессов.

Секретарь подняла глаза.

Письмо тут же воспользовалось моментом и дёрнулось к краю стола. Она спокойно прихлопнула его ладонью.

— Всех процессов? — спросила она.

— Пока ключевых.

— Осторожный подход, — сказала секретарь.

Управляющий вежливо кивнул.

— Благодарю.

— Это не похвала.

Он сделал вид, что не понял.

— Шеф принимает?

— Шеф принимает многое. Вопрос в том, что потом с этим делает.

Секретарь нажала кнопку на столе. За дверью тихо звякнул колокольчик. Где-то в глубине Канцелярии кто-то чихнул, и сразу посыпались три неподписанных разрешения на дождь.

— Проходите, — сказала секретарь. — И папку крепче держите. У нас тут однажды инициативу унесло сквозняком. Потом три отдела год исполняли.

Кабинет Шефа оказался совсем не таким, каким новый Управляющий его представлял.

Он ожидал чего-то величественного. Может быть, сияния. Может быть, огромного трона. Может быть, бесконечного пространства, где звёзды крутятся вокруг стола, а каждая мысль звучит как гром.

Вместо этого был большой светлый кабинет. Деревянный стол. Несколько кресел. Чайник. Чашки. Стопка старых дел. Окно, за которым одновременно виднелись облака, обычный городской двор, кусок осеннего парка и край какой-то планеты, где, кажется, шёл дождь вверх.

На подоконнике стоял кактус. Судя по выражению, он давно работал в Канцелярии и уже никому не верил.

За столом сидел Шеф.

Формально его называли Создателем. В старых документах — Первым Источником. В торжественных случаях — Тем, Кто Начал. Но в Канцелярии все давно звали его Ше-

фом. Так было проще. И безопаснее. Чем длиннее титул, тем больше шансов, что кто-нибудь создаст под него отдельный отдел.

Шеф выглядел спокойно. Не грозно. Не торжественно. Просто спокойно, как человек, который видел все ошибки мира, часть из них заранее предупреждал, а потом всё равно помогал разбирать последствия.

Он поднял глаза на Управляющего и улыбнулся.

— Проходите. Только аккуратнее. У нас сегодня коридоры нервные.

Как раз в этот момент за дверью кто-то громко вскрикнул.

— Это не я! — тут же крикнул кто-то другой.

— А кто тогда поставил тележку с делами посреди прохода?

— Она сама!

— Дела сами не ездят!

— В отделе свободной воли с вами не согласятся!

Шеф подождал, пока шум немного стихнет, и показал на кресло.

— Садитесь. Чай?

— Благодарю, я по делу.

— У нас все по делу. Просто некоторые дела потом приходится отпаивать чаем.

Управляющий сел. Папку положил на колени, потом решил, что так несолидно, и положил на стол. Папка легла уверенно. Слово было готова изменить мир, даже если мир не

просил.

Шеф заметил название на обложке.

— Оптимизация вечных процессов, — прочитал он. —

Смело.

— Спасибо.

— Я всё ещё не хвалю.

Управляющий чуть улыбнулся, но папку открыл.

— Я изучил структуру Канцелярии. Разумеется, в предварительном порядке. Система огромная, сложная, многоуровневая. В целом эффективная, но местами перегруженная историческими решениями.

— Историческими решениями, — повторил Шеф. — Хорошее выражение. Обычно так называют то, что давно пора тронуть, но все боятся, потому что оно может ответить.

— Я бы сказал мягче.

— Новые управляющие всегда сначала говорят мягче.

Управляющий достал первый лист. На нём была схема. Кружки, стрелки, квадраты, подписи. В центре крупно стояло слово «УСТОЙЧИВОСТЬ».

— Моя задача — повисить устойчивость процессов, — сказал он. — Уменьшить зависимость от отдельных исполнителей. Обновить регламенты. Создать резерв. Проверить слабые места.

— Слабые места у вечности? — спросил Шеф.

— У любой системы они есть.

— Верно. У людей, например, слабое место — уверен-

ность, что они всё поняли.

Управляющий снова улыбнулся. Уже осторожнее.

— Я не претендую на полное понимание.

— Это хорошее начало.

— Но некоторые вопросы требуют пересмотра.

— Например?

Управляющий перевернул лист.

— Рассветы работают стабильно. Сезонность в целом тоже, хотя отдел осени злоупотребляет драматизмом. Совесть перегружена, но там проблема спроса. Отдел случайностей нуждается в аудите. Любовь, насколько я понял, принципиально не сдаёт отчёты.

— Любовь считает, что отчёты убивают романтику.

— Но самый сложный вопрос, — Управляющий сделал паузу, — это должность Смерти.

В кабинете стало чуть тише.

Не страшнее. Просто тише. Как бывает, когда в шумной комнате кто-то произносит имя человека, без которого все привыкли жить, но о котором не любят говорить вслух.

За дверью тоже вдруг стихло. Даже скандальный бес, кажется, перестал ругаться с автоматом.

Шеф поставил чашку на стол.

— Продолжайте.

Управляющий расправил плечи. Это было ошибкой. В такие моменты лучше, наоборот, немного сутулиться, чтобы судьба решила, что ты уже достаточно наказан.

— Должность крайне важная, — начал он. — Никто не спорит. Но она слишком персонифицирована. Слишком много зависит от одного сотрудника. Вернее, сотрудницы. Нет прозрачной процедуры замещения. Нет кадрового резерва. Нет понятного регламента на случай временного отсутствия. Огромное количество жалоб. Высокая эмоциональная нагрузка. Репутационные риски.

— Репутационные риски у Смерти, — повторил Шеф.

— Да.

— Сильная мысль. Люди, значит, недовольны?

— Постоянно.

— Они и зимой недовольны. И налогами. И соседями. И тем, что пирожок остыл. Это не всегда повод отменять пирожки.

— Я не предлагаю отменять.

— Это уже радует.

— Я предлагаю подумать о возможной замене.

Шеф посмотрел на него внимательно.

— Замене?

— В перспективе. Или хотя бы о распределении функций.

— Смерть по отделам?

— Частично.

— Хорошо звучит. Особенно для тех, кто не окажется в отделе.

Управляющий понял, что разговор идёт не так гладко, как в презентации. В презентации стрелки двигались послуш-

нее.

— Поймите правильно, — сказал он. — В любой серьёзной структуре нельзя держать ключевую функцию на одном лице. Что, если сотрудница устанет? Что, если она ошибётся? Что, если потребуется временно передать полномочия?

Шеф молчал.

Управляющий принял молчание за интерес.

— Можно начать с малого. Создать резерв. Провести внутренний конкурс. Выделить компетенции. Описать профиль должности. Утвердить критерии. Если понадобится — привлечь смежные службы.

— Смежные службы, — сказал Шеф. — Например?

— Ангельский корпус. Они умеют работать с людьми мягко.

— Слишком мягко.

— Демонический сектор. Они умеют действовать решительно.

— Слишком решительно.

— Отдел порядка. Там дисциплина.

— Иногда дисциплина хуже беспорядка. Просто выглядит приличнее.

Управляющий нахмурился.

— Значит, вы уже рассматривали варианты?

— Рассматривали.

— Ангелов?

— Пробовали.

— Демонов?

— Пробовали.

— Службы порядка?

— Пробовали.

— Кадровый конкурс?

Шеф вздохнул.

— Пробовали.

Управляющий медленно опустил взгляд на свою папку. В ней это было пунктом четвёртым. Он аккуратно перевернул страницу.

— А современные технологии?

За дверью что-то грохнуло. Кто-то громко сказал:

— Не трогайте, оно само думает!

Потом другой голос:

— Именно это нас и пугает!

Шеф посмотрел на дверь, потом снова на Управляющего.

— Тоже пробовали.

— И?

— Технологии были довольны собой.

— А вы?

— Меньше.

Управляющий сглотнул.

— Но ведь должен существовать способ сделать процесс более управляемым.

— Существует.

— Какой?

— Не ломать то, что работает, только потому, что оно не помещается в таблицу.

Управляющий замолчал. Он был не глуп. Глупый человек уже начал бы спорить громче. Умный в такой момент хотя бы делает паузу и пытается понять, где именно под ним исчез пол.

— Вы хотите сказать, — осторожно произнёс он, — что любая попытка заменить Смерть уже предпринималась?

— Не любая. Люди и Канцелярия очень изобретательны. Уверен, если дать им ещё пару веков и бюджет, они придумают что-нибудь хуже.

— Но основные варианты...

— Основные — да.

— И все провалились?

Шеф взял чашку, отпил чай и только потом ответил:

— Скажем так: после некоторых провалов слово «провал» просило не использовать его всуе.

За окном в городском дворе мужчина в тапках пытался прогнать голубя с коврика. Голубь стоял твёрдо. У него был вид существа, которое не признаёт частную собственность без печати.

Управляющий закрыл папку. Уже не для важности, а чтобы она перестала на него давить.

— Но почему об этом нет в открытых инструкциях?

— Есть.

— Где?

— В закрытых приложениях к открытым инструкциям.

— Они закрыты.

— Поэтому и не врут.

Шеф открыл нижний ящик стола. Ящик был старый, деревянный, без всякой роскоши. Но когда он выдвинулся, Управляющий почему-то почувствовал, что лучше бы в нём лежали обычные документы. Или хотя бы жалобы на дождь.

Шеф достал тонкую чёрную папку.

На обложке не было ни золота, ни красивых стрелок, ни слова «эффективность». Только простая надпись:

ВАКАНСИЯ: СМЕРТЬ

Под ней стояла дата, зачёркнутая так яростно, будто тот, кто зачёркивал, надеялся отменить не дату, а воспоминания.

Управляющий смотрел на папку дольше, чем собирался.

— Это дело о конкурсе?

— Это дело о самоуверенности, — сказал Шеф. — Конкурс там тоже был.

— Можно изучить?

— Изучить можно всё. Понять сложнее.

Шеф положил папку на стол между ними.

В коридоре снова поднялся шум. Сначала кто-то вскрикнул, потом раздался хлопок, потом секретарь за дверью спокойно сказала:

— Если вы ещё раз уроните шкаф на беса, оформляйте это как повторяющееся событие.

— А если он сам стоял не там?

— Тогда оформляйте как беса.

Шеф чуть улыбнулся.

— Канцелярия всегда была талантлива, — сказал он. —

Особенно когда надо превратить беду в форму.

Управляющий не отрывал взгляда от чёрной папки.

— Что именно тогда случилось?

— Много чего.

— Из-за чего всё началось?

Шеф на секунду задумался. Не потому, что не помнил. Он как раз помнил слишком хорошо. Просто некоторые истории надо начинать не с вывода, а с первого глупого звука, после которого всё пошло криво.

— Слушай меня внимательно, дружище, — сказал он наконец. — Тебе это понравится. Как управленцу — сначала понравится. Потом, возможно, захочется уволиться.

Управляющий сел ровнее.

— Всё началось, как обычно, со скандала.

Шеф открыл папку.

Первая страница была почти пустой. На ней стояла короткая запись:

День первый.

Жалоба принята.

Ответственная сторона не согласна.

Канцелярия не придала значения.

Зря.

Шеф перевернул страницу.

— Итак, — сказал он, — тогда ещё никто не понимал, что самая неблагодарная работа во всём мироздании скоро станет вакантной.

Глава 2

Самая неблагодарная работа

Шеф всегда говорил, что Смерть не была страшной сама по себе. Страшным людям казалось то, что она никогда не опаздывала туда, куда все надеялись, что она не придёт. А пунктуальность, если подумать, вообще редко вызывает любовь.

Смерть начинала рабочий день без будильника.

Будильник ей был не нужен. Во-первых, она не спала в привычном смысле. Во-вторых, если бы будильник всё-таки осмелился её разбудить, у него сразу начался бы экзистенциальный кризис. Один уже пробовали ставить в её кабинете в эпоху раннего индустриального оптимизма. Через три утра он попросил перевести его в отдел тихих напоминаний и больше никогда не звонил громко.

Кабинет Смерти находился в крыле Завершений, в конце длинного коридора, где шаги звучали чуть тише, чем должны были. Не потому что там было страшно. Просто даже звук понимал: сюда лучше входить без лишнего шума.

Дверь была высокая, чёрная, без таблички. Табличка когда-то была, но её сняли после того, как отдел навигации получил семь тысяч жалоб от душ, которые «случайно зашли

не туда» и потом требовали пересмотра маршрута. Теперь дверь знали те, кому надо было знать. Остальные проходили мимо, делая вид, что не смотрят.

Внутри было почти пусто. Большой стол из тёмного дерева. Узкое окно, за которым не было ни неба, ни земли, а что-то среднее между ночью и тишиной. Шкаф с делами. Кресло. Часы без стрелок. И коса у стены.

Коса не блестела театрально. Не сверкала молниями. Не дымилась. Она просто стояла. И от этого выглядела убедительнее любого спецэффекта.

Смерть стояла у стола и смотрела на список.

Она была высокой, статной и стройной. Длинные чёрные волосы лежали по плечам тяжёлой тёмной волной. Чёрные глаза были спокойны, как глубокая вода, в которую лучше не прыгать ради проверки. В её лице не было ни гнили, ни уродства, ни того дешёвого ужаса, который любят рисовать люди, когда им надо продать очередной фильм. Она была красива холодной, строгой красотой. Такой, от которой не хочется флиртовать, зато хочется вспомнить, все ли важные слова ты сказал при жизни.

На ней был чёрный балахон. Не тряпка, не костюм для праздника нечисти, не театральная накидка. Одежда выглядела так, будто была сшита из тени, ответственности и очень старого терпения.

Смерть провела пальцем по первому делу.

— Сегодня плотно, — сказала она.

Коса у стены промолчала. Смерть ценила в ней это качество.

На столе мигнул служебный кристалл. В Канцелярии пытались перейти на планшеты, но планшеты у Смерти быстро начинали показывать только чёрный экран и предупреждение: «Ваше устройство завершило жизненный цикл». Поэтому ей оставили кристалл. Он был старый, надёжный и не задавал вопросов вроде «Оцените качество перехода».

В кристалле всплыло сообщение:

Отдел отчётности напоминает:

форма 3-13 “Эмоциональная удовлетворённость завершённого лица” не сдана за прошлый квартал.

Смерть посмотрела на сообщение.

— Эмоциональная удовлетворённость завершённого лица, — повторила она.

Кристалл услужливо мигнул.

— Они серьёзно?

Кристалл мигнул ещё раз. В Канцелярии это обычно означало: «К сожалению, да».

Смерть закрыла сообщение.

Следом пришло второе:

Отдел жалоб просит пояснить, почему гражданин П. в момент завершения сказал: “Да вы издеваетесь?”

Смерть взяла косу.

— Потому что гражданин П. умер во время попытки от-

крыть шампанское бензопилой.

Кристалл немного подумал и предложил вариант ответа: «Причина завершения носит бытовой характер».

— Напиши: “Не нарушать технику безопасности”. И отправь копию в отдел очевидного.

Кристалл замер.

Отдел очевидного расформирован в связи с перегрузкой.

— Конечно, — сказала Смерть. — Как я сразу не догадалась.

Она взмахнула косой не резко, а почти небрежно, как человек берёт ключи перед выходом. Воздух в кабинете стал тоньше. На мгновение открылись сотни дорог: больничные палаты, трассы, квартиры, морские берега, поля, мосты, кухни, кабинеты, чужие одиночества и чужие последние минуты.

Смерть выбрала первую.

Старик сидел в кресле у окна.

Комната была маленькая, тёплая, пахла лекарствами, яблочным вареньем и старыми книгами. На подоконнике стояла герань, которая давно пережила три ремонта, двух котов и одну попытку внучки выбросить «этот советский куст». За окном медленно падал снег. Телевизор работал без звука. На экране кто-то в студии громко спорил, но старик уже не слушал.

Он смотрел на фотографию на стене.

Смерть появилась тихо. Она никогда не хлопала дверью там, где человек ждал её давно.

Старик повернул голову.

— Пришла?

— Пришла.

— А я думал, утром.

— Вы просили досмотреть снег.

Старик хмыкнул.

— Просил? Не помню.

— Помнили вчера.

Он улыбнулся. Очень слабо, но по-настоящему.

— И что теперь?

— Теперь пойдём.

— Больно будет?

— Нет.

— Страшно?

Смерть чуть наклонила голову.

— Меньше, чем вы думаете.

Старик помолчал.

— А там она?

Смерть не любила отвечать на вопросы, которые Канцелярия запрещала формулировать прямо. Но за века работы научилась говорить достаточно честно, чтобы не врать, и достаточно коротко, чтобы не получить выговор.

— Там всё, что не закончилось здесь.

Старик выдохнул. Его пальцы расслабились на подлокот-

нике.

— Хорошо сказала.

— Я давно работаю.

— Видно.

Он попытался подняться. Не получилось. Смерть протянула руку. Старик посмотрел на её ладонь и вдруг усмехнулся.

— Холодная, наверное.

— Все так говорят.

— А ты всем отвечаешь?

— Только вежливым.

Старик вложил свою руку в её. На кресле осталось худое тело, очень уставшее от долгого пути. А рядом со Смертью стоял человек уже легче, прямее, моложе не лицом, а каким-то внутренним движением, словно с плеч сняли мешок, который он тащил много лет и уже считал частью себя.

Он посмотрел на кресло.

— Некрасивый я стал.

— Вы стали завершённый.

— Это лучше?

— Честнее.

Старик подумал и кивнул.

— Пойдём.

Смерть провела его по тонкой дороге, где не было ни стен, ни потолка, только мягкий свет где-то впереди. У самой границы он остановился.

— Слушай, — сказал он, — а можно попросить?

— Нет.

— Я ещё не сказал.

— Обычно это не мешает.

— Внучке сон. Просто чтоб знала: я не сердился.

Смерть посмотрела на него. Потом достала из воздуха тонкую карточку и сделала пометку.

— Через отдел снов. Без гарантии.

— Спасибо.

— Не благодарите заранее. Там очередь.

— Очередь в сны?

— Везде очередь.

Старик рассмеялся. Смех получился лёгким. Потом он шагнул вперёд и исчез.

Смерть вернулась в свой кабинет ровно на три секунды. Кристалл уже мигал новым делом.

Срочное завершение.

Категория: самонадеянность с осложнениями.

— Люблю точные формулировки, — сказала Смерть и открыла дорогу.

Второй был бизнесмен.

Он стоял посреди дорогого кабинета на сорок втором этаже и возмущался. Кабинет был весь из стекла, кожи и уверенности, что деньги умеют договариваться даже с законами физики. На стене висела картина, которую никто не пони-

мал, но все называли смелой инвестицией. На столе стояла бутылка воды ценой с небольшой грех.

Бизнесмен смотрел на Смерть так, будто она пришла без записи.

— Нет, — сказал он сразу.

— Да.

— Вы понимаете, кто я?

— Уже нет.

— Что значит “уже нет”?

— Должность закончилась раньше вас.

Он побледнел.

— Послушайте, это недоразумение. У меня встреча через двадцать минут.

— Была.

— У меня сделка.

— Не подписана.

— У меня адвокаты.

— Им передадут.

— У меня связи.

— Здесь они обрываются.

Бизнесмен сделал несколько шагов по кабинету, будто искал нужного человека, которому можно позвонить и приказать отменить происходящее. Но телефон лежал на столе чёрным прямоугольником и показывал пропущенные вызовы от жены, партнёра и службы безопасности. Сам человек, которому принадлежало тело, уже стоял рядом со Смертью

и никак не хотел это признать.

— Сколько? — спросил он вдруг.

Смерть посмотрела на него.

— Что сколько?

— Ну... — он понизил голос. — Решить вопрос.

— Вопрос уже решён.

— Все вопросы можно пересмотреть.

— Вы это часто говорили.

— И часто работало.

— Поэтому вы так удивлены.

Бизнесмен сжал губы.

— Я не готов.

— Редко кто готов.

— Дайте мне сутки.

— Нет.

— Час.

— Нет.

— Десять минут.

Смерть посмотрела на него спокойно.

— Что вы сделаете за десять минут?

Он открыл рот. Закрыл. Снова открыл. В глазах мелькнула паника, потом злость, потом что-то человеческое, маленькое и растерянное.

— Позвоню дочери.

Смерть молчала.

— Я... давно обещал. Она сегодня выступает. Я сказал,

что буду, но...

— Но сделка.

Он опустил глаза.

— Да.

Смерть подняла руку. В воздухе появилась тонкая нить дела, светлая, неровная, с узлами, пометками и пунктами, которые Канцелярия называла «событийная связность». Она быстро просмотрела её. Потом нахмурилась.

— Вы должны были умереть вчера.

— Что?

— Вчера. В лифте.

— Лифт застрял.

— Потому что техник опоздал на работу.

— И это меня спасло?

— Временно.

— То есть я уже получил сутки?

— Да.

Бизнесмен замолчал.

Иногда Смерть особенно не любила этот момент. Не крики, не торг, не угрозы. А вот эту секунду, когда человек наконец понимал, что его последний шанс уже был. И он потратил его не на главное.

— Можно хотя бы... — он сглотнул. — Она узнает, что я хотел?

— Хотели — поздно. Но узнает, что сожалели.

— Это хуже.

— Честнее.

Он устало кивнул.

— Вы жестокая.

— Нет. Я пришла вовремя. Жестокими были ваши приоритеты.

Он хотел возразить, но уже не смог. Перед границей он всё-таки тихо спросил:

— А если бы я вчера поехал к ней?

Смерть посмотрела на него без злости.

— Тогда сегодня вы бы не спрашивали.

Она вернулась в кабинет и сразу получила сообщение от отдела жалоб:

Предварительное уведомление: родственники гражданина Б. считают завершение “крайне несвоевременным”.

Смерть прикрыла глаза.

— Он должен был умереть вчера.

Кристалл мигнул.

Жалоба зарегистрирована сегодняшним числом.

— Разумеется.

Она отправилась дальше.

Третий случай был на трассе. Там ветер гнал по асфальту мелкий снег, фары стояли криво, люди бегали, кто-то кричал в телефон, кто-то пытался быть полезным и мешал профессионалам. Смерть появилась у обочины. Её балахон не трепал ветер. Ветер, видимо, понимал старшинство.

Молодой парень стоял рядом с разбитой машиной и смотрел на собственное тело так, будто это была чужая неудачная шутка.

— Нет, — сказал он.

— Уже второй за утро, — заметила Смерть. — Сговорились?

— Я живой.

— Нет.

— Я чувствую.

— Сейчас это пройдёт.

Он резко повернулся к ней.

— Кто вы?

Смерть молчала.

Парень посмотрел на косу. Потом на её чёрные глаза. Потом снова на машину.

— Блин.

— Кратко, но точно.

Он схватился за голову.

— Я же просто... Я же не гнал. Ну, почти. Там дорога была пустая.

— Она не была пустая.

— Я не видел.

— Вы смотрели в телефон.

— На секунду.

— Секунды иногда очень дорогие.

Он сел прямо на мокрый снег. Вернее, попытался. Снег

его больше не принимал, и это разозлило его сильнее всего.

— У меня мать одна.

— Знаю.

— Она не выдержит.

— Вы не первый, кто переоценивает чужую слабость и недооценивает свою ответственность.

— Да что вы знаете? — вспыхнул он.

Смерть посмотрела туда, где за лентой стоял инспектор, где врач скорой молча снимал перчатки, где в разбитой машине на пассажирском сиденье лежал телефон с открытым чатом. Последнее сообщение было от матери: «Не гони. До-едешь — напиши».

— Достаточно, — сказала она.

Парень затих.

— Я могу написать?

— Нет.

— Голосовое?

— Нет.

— Ну хоть знак какой-нибудь?

Смерть достала карточку. Ещё одну. Отдел снов сегодня явно не обрадуется.

— Без обещаний.

— Но...

— Без обещаний, — повторила она. — Я не отдел чудес.

И даже они давно работают на пределе.

Он вдруг посмотрел на неё внимательнее.

— Вам всех жалко?

Смерть чуть заметно усмехнулась.

— Нет.

— А кого?

— Тех, кто слишком поздно начинает понимать очевидное.

— То есть меня?

— Сегодня вы в списке.

Он почему-то рассмеялся. Нервно, коротко, почти зло.

— Вы вообще умеете поддерживать?

— Я не поддержка. Я завершение.

— Плохой сервис.

— Зато без подписки.

Он снова рассмеялся, уже тише. Потом плакал. Потом пошёл рядом.

У границы он обернулся.

— Скажите ей... нет, ладно. Вы же не скажете.

— Нет.

— Тогда пусть сон.

— Я уже записала.

— Спасибо.

— Не привыкайте.

Он хотел что-то ответить, но исчез. На трассе ветер продолжал гнать снег. Люди продолжали кричать, звонить, оформлять, перекрывать движение, ругаться на пробку, не зная, что пробка — последнее, о чём стоило бы думать.

В кабинете Смерти ждали новые сообщения.

Отдел статистики:

Просим уточнить, почему количество завершений категории “неудачное решение” стабильно растёт.

— Потому что люди считают себя умнее последствий.

Можно ли оформить как сезонный фактор?

— Оформите как человеческий.

Такого фактора нет в списке.

— Вот в этом и проблема.

Кристалл завис на секунду, потом выдал:

Запрос направлен в отдел классификаций. Ожидаемый срок ответа: три века.

Смерть поставила косу у стола и впервые за утро села.

Рабочий день только начался.

Она не жаловалась. Не потому что ей было легко. Просто жаловаться было некому. Канцелярия умела принимать жалобы на Смерть, от Смерти, по поводу Смерти и в связи с присутствием Смерти, но ни одна форма не предусматривала простого человеческого варианта: «Я устала».

Смерть однажды пыталась найти нужный бланк. Ей выдали форму «Заявление о временном снижении неизбежности по личным обстоятельствам». На второй странице там был пункт: «Укажите причину, по которой вселенная должна подождать».

Она не стала заполнять.

Дальше была больничная палата.

Женщина лет сорока с небольшим лежала у окна. Лицо у неё было слишком спокойным для тех, кто рядом ещё надеялся. Муж сидел на стуле, держал её за руку и делал вид, что не плачет. Дочь-подросток стояла у стены, уткнувшись в телефон, хотя экран давно погас. Врачи говорили тихо за дверью.

Смерть появилась у изголовья.

Женщина открыла глаза.

Она увидела её сразу. Некоторые видели сразу.

— Я знала, — прошептала женщина.

Муж вздрогнул.

— Что? Что ты сказала?

Женщина смотрела не на него.

— Можно минуту?

Смерть посмотрела на нить дела. Там всё было ясно. Путь завершён. Ошибки нет. Апелляция невозможна. Иногда Канцелярия была права, и это раздражало сильнее всего.

— Минуту, — сказала Смерть.

Женщина повернула голову к мужу.

— Лёша.

— Я здесь, я здесь.

— Не корми её только макаронами.

Девочка у стены всхлипнула и подняла глаза.

— Мам.

— И не разрешай ей красить волосы в зелёный до шест-

надцати.

— Мне уже почти шестнадцать.

— Вот именно поэтому до шестнадцати.

Муж заплакал. Уже не прятался.

— Я не справлюсь.

Женщина слабо улыbnулась.

— Справишься. Просто не сразу. И не делай вид, что умеешь готовить суп. Ты не умеешь. Закажи у моей мамы.

— Она меня ненавидит.

— Переживёшь. Она всех ненавидит до первого борща.

Смерть стояла молча. В такие минуты она не торопила. Не потому что могла нарушить порядок. А потому что минута, отданная правильно, иногда весила больше, чем годы, разбросанные как попало.

Женщина посмотрела на дочь.

— Иди сюда.

Девочка подошла. Телефон выпал из её руки на одеяло.

— Я буду злая, — сказала девочка.

— Будешь.

— Я буду на всех орать.

— Будешь.

— Я тебя ненавижу.

— Сейчас можно.

Девочка захлебнулась слезами и прижалась к ней.

Смерть отвернулась к окну. За стеклом на ветке сидела ворона и смотрела в палату с видом родственника, которого

забыли пригласить, но он всё равно пришёл.

Минута закончилась.

Женщина это поняла.

— Спасибо, — сказала она Смерти.

— Не за что.

— Вам, наверное, редко говорят спасибо.

— Достаточно редко, чтобы я запомнила.

— Тогда запомните.

Смерть посмотрела на неё.

— Запомню.

Они ушли тихо. Муж и дочь ещё держали руки женщины, не понимая, что она уже отпустила их первой.

На границе женщина остановилась.

— Они правда справятся?

Смерть посмотрела туда, где начиналось то, что не объясняют живым.

— Правда.

— Вы не врёте?

— Я редко утешаю. Поэтому, когда говорю, можно слушать.

Женщина кивнула и ушла.

В кабинете кристалл мигал так часто, будто нервничал.

Отдел родственников направил запрос:

Почему завершение гражданки М. не было отложено в связи с наличием несовершеннолетнего ребёнка?

Смерть долго смотрела на сообщение.

Потом ответила:

— Потому что смерть не спрашивает возраст тех, кто остаётся. Она спрашивает, завершён ли путь того, кто уходит.

Кристалл обработал фразу и предложил сократить для отчёта:

Путь завершён.

— Вот поэтому вас и не любят, — сказала Смерть.

Кристалл не обиделся. Он был канцелярским.

Следующие часы слились в поток.

Старый моряк, который всю жизнь боялся моря и умер на кухне, подавившись рыбной костью. Он возмущался, что это «пошлая ирония», и требовал более достойного финала. Смерть сказала, что финалы редко согласовывают жанр с участником.

Школьная учительница, которая ушла во сне и первым делом спросила, можно ли не проверять тетради там, куда она идёт. Смерть сказала, что таких наказаний даже Канцелярия себе не позволяет.

Мужчина в спортзале, который поднял больше, чем мог, и теперь доказывал, что «ещё подход». Смерть сказала, что подход был последним. Он спросил, можно ли хотя бы записать результат. Она разрешила. Отдел тщеславия всё равно собирал статистику.

Кот, очень старый, полосатый, с выражением лица «я всё

понял раньше вас». Смерть пришла к нему во двор, где под лавкой пахло пылью, солнцем и старой шерстью. Кот посмотрел на неё, поднялся с большим достоинством и пошёл сам. С животными всегда было проще. Они редко торговались. Максимум — делали вид, что это они решили.

К вечеру Смерть вернулась в кабинет и на несколько секунд закрыла глаза.

Коса тихо стояла у стены.

На столе лежали новые дела.

В углу кристалла мигал красный значок. Не срочное завершение. Не апелляция. Не ошибка системы.

Жалоба.

Смерть посмотрела на значок.

— Только не это.

Кристалл раскрыл уведомление.

Отдел приёма умерших сообщает:

по завершённомu лицу зарегистрирован конфликт.

Гражданин требует личного рассмотрения, компенсации морального вреда и внесения записи о непрофессиональном поведении Смерти.

Смерть медленно подняла взгляд.

— Морального вреда?

Кристалл показал дополнительную строку:

Гражданин утверждает, что переход был проведён

“холодно, токсично, без эмпатии и с нарушением личных границ”.

В кабинете стало очень тихо.

Даже часы без стрелок будто перестали делать вид, что идут.

Смерть взяла косу.

— Где он?

Кристалл мигнул.

Отдел приёма умерших.

Ответственный: Аркадий Ильич.

Комментарий ответственного: “Лучше приходите. Он просит книгу жалоб, адвоката и тёплый плед”.

Смерть долго смотрела на сообщение.

Потом сказала:

— Плед ему зачем?

Кристалл честно ответил:

Для ощущения безопасного пространства.

Смерть вышла из кабинета.

Коридор Завершений проводил её тишиной. Где-то далеко шумела Канцелярия: падали папки, спорили отделы, кто-то требовал подпись на чудо задним числом. Но вокруг неё звуки становились глуше.

Чёрный балахон скользил по полу, не касаясь его. Длинные волосы лежали неподвижно. В чёрных глазах не было

злости.

Пока.

На повороте ей навстречу выскочил младший сотрудник с кипой бумаг, увидел её, побледнел и вжался в стену.

— Добрый... — начал он и застрял, не зная, уместно ли желать ей доброго дня.

— Рабочий, — подсказала Смерть.

— Да. Рабочий.

— Надеюсь.

Она прошла мимо.

У дверей отдела приёма умерших уже слышался голос. Мужской. Громкий. Возмущённый. Очень живой для человека, который недавно перестал им быть.

— Я требую уважительного отношения! Я между прочим клиент! Вы вообще знаете, что такое клиентский сервис?

Смерть остановилась перед дверью.

За дверью устало ответил Аркадий Ильич:

— Молодой человек, вы не клиент. Вы результат.

Смерть открыла дверь.

Глава 3

Жалоба умершего

Шеф не раз замечал: обычные проклятия Смерть переносила спокойно. К ним она привыкла. А вот когда человек начинает говорить с вечностью языком клиентского сервиса, тут уже даже вечность просит перерыв.

Отдел приёма умерших находился в той части Канцелярии, где никто никогда не говорил “добро пожаловать” слишком бодро. Не потому что там было мрачно. Просто фраза звучала двусмысленно, а в отделе приёма и без того хватало людей, которые цеплялись за каждую двусмысленность как за юридический шанс вернуться обратно.

Помещение было просторное, светлое и удивительно похожее на хороший многофункциональный центр, если бы его проектировали ангелы с хронической усталостью. Вдоль стен стояли мягкие скамьи. Над стойками висели таблички: “Первичное принятие факта”, “Уточнение обстоятельств”, “Вопросы по маршруту”, “Попытки торга принимаются в окне №4, но не рассматриваются”.

В центре зала мигало электронное табло.

А-108. Окно 3.

Б-442. Окно 1.

В-019. Прекратите нажимать кнопку, вы уже здесь.

У окна №2 пожилая женщина спорила с молодым ангелом.

— Я на пять минут, милоч. У меня суп на плите.

— Суп уже сняли, — мягко сказал ангел.

— Кто?

— Соседка.

— Эта? Она же пересолит!

Ангел посмотрел в дело.

— Уже.

— Вот видите! Мне надо обратно.

У окна №5 мужчина в спортивном костюме доказывал, что в принципе не мог умереть, потому что у него абонемент в фитнес-клуб до конца месяца. Девочка лет восьми сидела на скамейке, болтала ногами и с интересом рассматривала свои прозрачные ладони. Рядом с ней старый пёс вилял хвостом так спокойно, будто наконец-то понял, куда все уходили раньше него.

За стойкой, в глубине зала, сидел Аркадий Ильич.

Он был старым ангелом. Не дряхлым, а именно старым: таким, в котором возраст не ломает спину, а добавляет взгляду тяжести. Крылья у него были не белоснежные, как на открытках, а слегка сероватые от вечной работы, бумажной пыли, чужих вопросов и бессонных тысячелетий. На столе пе-

ред ним стояла чашка чая. Рядом лежали очки, печать, стопка дел и маленькая табличка:

Аркадий Ильич

начальник отдела приёма умерших

с вопросами “а может, ошибка?” — после первичного принятия

Аркадий Ильич пил чай без сахара. Он считал, что в его отделе сладкое быстро начинает звучать как издевательство.

Когда Смерть вошла, зал немного стих. Не полностью. Полностью отдел приёма не стихал никогда. Даже в самые торжественные моменты кто-нибудь обязательно спрашивал, где туалет, можно ли курить или почему душа проходит без багажа.

Смерть остановилась у дверей.

Высокая, чёрная, спокойная, с косой в руке, она выглядела так, будто всё помещение внезапно вспомнило о причине своего существования. Несколько недавно умерших испуганно отодвинулись. Один мужчина спрятал за спину талон электронной очереди, хотя сам не понял зачем. Пёс радостно посмотрел на неё, но вилять хвостом стал чуть уважительнее.

Аркадий Ильич поднял глаза.

— Наконец-то.

— Он ещё кричит?

— Уже не кричит. Теперь он требует.

— Это хуже.

— Значительно.

Из дальнего угла тут же донёлся мужской голос:

— Я не требую! Я настаиваю на соблюдении базовых норм уважительного взаимодействия!

Аркадий Ильич вздохнул.

— Видите? Эволюция конфликта.

Смерть посмотрела в сторону голоса.

У стойки для сложных случаев стоял мужчина лет сорока пяти. Точнее, его тело уже где-то завершило положенные земные формальности, но сам он выглядел именно так, как привык себя ощущать: дорогая стрижка, подтянутая фигура, пиджак без единой складки, лицо человека, который даже в лифте нажимает кнопку с внутренним ощущением контроля над реальностью.

В руках он держал тонкую папку, которую явно успел где-то раздобыть. На папке было написано: “Личная позиция по ситуации перехода”. Почерк был нервный, но уверенный.

Рядом стоял молодой ангел-приёмщик и выглядел так, будто за последние десять минут успел пожалеть о выборе вечной службы.

— Гражданин Кузнецов, — сказал ангел усталым голосом, — я ещё раз повторяю: книга жалоб находится в отделе жалоб.

— Прекрасно. Дайте мне маршрут.

— Вы пока не прошли первичное принятие факта.

— Я факт не принимаю.

— Именно поэтому маршрут не выдаётся.

— То есть вы удерживаете меня без навигации?

— Вы умерли.

— Это ваша трактовка.

Аркадий Ильич тихо отодвинул чашку.

— Смерть, познакомьтесь. Вадим Олегович Кузнецов.

Тренер по личной эффективности, автор курса “Жизнь без оправданий” и, по совместительству, человек, который сорок минут оправдывает собственную смерть.

— Я не оправдываю! — резко повернулся Кузнецов. — Я фиксирую нарушения процедуры.

Смерть подошла ближе.

Кузнецов увидел её и на секунду всё-таки замолчал. На его лице промелькнуло нормальное человеческое выражение — страх. Самый древний, самый честный, ещё не успевший переодеться в претензию. Но длилось это недолго. Вадим Олегович быстро собрался, выпрямился и сделал тот самый вид, с которым на земле люди требуют администратора.

— А, — сказал он. — Вот и вы.

— Я.

— Прекрасно. Тогда начнём.

— Уже закончили.

— Вот! — Кузнецов поднял палец. — Именно об этом я и говорю. Вы постоянно обесцениваете собеседника. Вы вры-

ваетесь в процесс, не устанавливаете контакт, не обозначаете рамки взаимодействия и сразу переводите коммуникацию в финальную стадию.

Смерть посмотрела на Аркадия Ильича.

— Он всегда так?

— С тех пор как понял, что умер, стал особенно живым.

— Я всё слышу! — сказал Кузнецов.

— Поздравляю, — ответил Аркадий Ильич. — Не все сразу осваивают посмертный функционал.

Кузнецов перевёл взгляд на Смерть.

— Я требую официального разбирательства.

— По какому вопросу?

— По вопросу вашего непрофессионального поведения.

На ближайшей скамейке кто-то тихо охнул. Даже мужчина с абонементом в фитнес-клуб перестал спорить и повернулся. Смерть молчала.

Кузнецов воспринял молчание как сцену для выступления.

— Начнём с того, что сам переход был проведён без подготовки. Я находился в процессе важного стратегического созвона. У меня была презентация. Я был в ресурсе.

— Вы были за рулём, — сказала Смерть.

— Я был в гарнитуре.

— И в телефоне.

— Я смотрел одним глазом.

— Теперь можете обоими.

В отделе кто-то кашлянул, скрывая смешок. Аркадий Ильич очень аккуратно взял чашку, чтобы не улыбнуться слишком явно.

Кузнецов покраснел.

— Сарказм — это защитная реакция, — заявил он. — Я понимаю. Вы, очевидно, давно работаете в травматичной сфере и привыкли обесценивать чужие переживания.

Смерть чуть прищурилась.

— Я привыкла приходить вовремя.

— Вот это, кстати, тоже спорно. Я считаю, что момент был выбран крайне неэкологично.

— Вы выехали на встречную полосу.

— Потому что меня спровоцировала ситуация.

— Ситуация стояла на своей полосе.

Кузнецов открыл папку.

— Пункт первый. Отсутствие предупреждения.

— Был знак ограничения скорости.

— Я не об этом предупреждении.

— Был мокрый асфальт.

— И не об этом.

— Был грузовик.

— Давайте без манипуляций.

Аркадий Ильич тихо сказал молодому ангелу:

— Запишите: грузовик признан манипуляцией.

Ангел послушно потянулся к протоколу, потом понял, что это шутка, и виновато отложил перо.

Кузнецов сделал вдох. Видимо, на земле он часто делал такие вдохи перед тем, как начинать блок “сложные переговоры”.

— Мне не дали возможности подготовиться эмоционально.

— К смерти редко готовятся по календарю.

— Тогда это недоработка системы.

— Обязательно передам системе.

— Не надо иронизировать. Я серьёзно.

— Я тоже. Система обрадуется. Ей давно не хватало обратной связи от человека, который погиб, проверяя сообщения за рулём.

Кузнецов застыл.

На секунду в нём снова мелькнуло что-то настоящее. Стыд. Боль. Страх. Но он тут же прикрыл это привычной злостью, как человек прикрывает пятно на рубашке дорогим пиджаком.

— Вы сейчас нарушаете мои личные границы.

Смерть посмотрела на него.

— Какие именно?

— Я не обязан обсуждать детали травматического опыта в небезопасной среде.

Аркадий Ильич оглядел отдел приёма умерших: скамейки, окна, табло, ангелов, души, пса, который теперь лежал у ног девочки.

— В нашу защиту, среда редко бывает безопасной после

смерти.

— Вот! — Кузнецов резко указал на него. — У вас тут вся культура токсичная. Никто не умеет разговаривать с клиентом.

— Вы не клиент, — сказал Аркадий Ильич.

— А кто я?

— Результат.

Несколько душ на скамейке всё-таки не удержались и прыгнули. Кузнецов резко обернулся.

— Вам смешно? Вы понимаете, что завтра на моём месте можете быть вы?

— Мы уже, — тихо сказала пожилая женщина с супом. — Просто из-за супа волнуюсь.

Кузнецов потерял на ней полсекунды, понял, что это не его аудитория, и снова повернулся к Смерти.

— Пункт второй. Невербальная агрессия.

— Что?

— Ваш внешний вид. Чёрный балахон. Коса. Холодный взгляд. Это давит. Это создаёт у переходящего ощущение угрозы.

Смерть медленно посмотрела на свою косу.

— У переходящего была встречная полоса, мокрый асфальт и грузовик.

— Я говорю о вас.

— Зря.

— Вы могли бы выбрать более мягкий образ. Светлый.

Поддерживающий. Не знаю... нейтральный серый.

Аркадий Ильич поперхнулся чаем.

— Простите, — сказал он. — Нейтральный серый?

— Да. Смерть не обязана выглядеть как смерть.

В отделе снова стало тише.

Эта фраза почему-то задела воздух.

Смерть смотрела на Кузнецова спокойно. Очень спокойно. Так спокойно, что молодой ангел-приёмщик сделал маленький шаг назад.

— Не обязана, — повторила она.

— Конечно. Это вопрос выбора. Личного бренда. Позиционирования. Эмпатичной коммуникации. Вы вообще анализировали, как воспринимает вас аудитория?

— Аудитория обычно занята тем, что умирает.

— Тем более! В такой уязвимый момент человеку особенно важны бережность и поддержка. А вы появляетесь с собой.

— Она рабочая.

— Многие прикрывают токсичность словом “работа”.

Аркадий Ильич поставил чашку на стол. Уже без улыбки.

— Вадим Олегович, рекомендую аккуратнее.

— Нет, Аркадий... как вас...

— Ильич.

— Неважно. Я имею право высказаться. Меня всю жизнь учили не молчать о нарушениях.

— Судя по делу, вас всю жизнь учили говорить, — сказал

Аркадий Ильич. — Слушать вы начали только после аварии, да и то выборочно.

Кузнецов резко повернулся к нему.

— Вы переходите на личности.

— Молодой человек, вы уже с личности перешли. По документам.

Ангел-приёмщик тихо втянул голову в плечи. Пожилая женщина с супом перекрестилась по привычке, потом вспомнила, где находится, и смутилась. Пёс поднял голову, посмотрел на Кузнецова и зевнул. Животные, как правило, быстрее всех понимали суть.

Смерть положила косу рядом со стойкой. Не угрожающе. Просто освободила руку.

— Продолжайте, — сказала она.

Кузнецов явно ожидал сопротивления. А когда его не получил, немного растерялся. Но быстро нашёлся.

— Пункт третий. Отсутствие согласия.

— На что?

— На переход.

— Согласие не требуется.

— Вот в этом и проблема! Любой процесс должен быть согласован с участником.

— Рождение с вами согласовывали?

Кузнецов открыл рот.

Аркадий Ильич одобрительно поднял бровь. Молодой ангел сделал вид, что записывает, но на самом деле просто на-

слаждался моментом.

— Это некорректное сравнение, — сказал Кузнецов.

— Почему?

— Потому что рождение — это начало.

— А смерть — конец.

— Конец особенно нуждается в бережном сопровождении!

— Согласна.

— Вот!

— Поэтому я и пришла сама.

Кузнецов замолчал.

Это была простая фраза, но в ней что-то было. Не защита. Не оправдание. Просто факт. Смерть действительно приходила сама. Без делегации, без уведомлений, без передачи задачи младшему персоналу. К каждому. Вовремя. В одиночку. С косою, которую люди боялись, потому что боялись не металла, а смысла.

Но Кузнецов не был готов слышать смысл. Он был готов побеждать в споре.

— Вы не умеете признавать ошибки, — сказал он.

— Умею.

— Тогда признайте.

— Ошибки не было.

— Удобная позиция.

— Рабочая.

— Холодная.

— Точная.

— Бесчеловечная.

Смерть посмотрела на него. Чёрные глаза не изменились, но Аркадий Ильич всё-таки незаметно выпрямился.

— Я не человек, — сказала она.

— Вот именно! — Кузнецов даже обрадовался. — Вот в этом корень проблемы. Вы работаете с людьми, но сами не понимаете человеческих чувств.

Смерть молчала.

— Вы приходите, забираете, закрываете дело, ставите печать и идёте дальше. А человек? Его страх? Его боль? Его незавершённость? Его право быть услышанным?

— Вы были услышаны, — сказала Смерть.

— После смерти!

— До смерти вы слушали голосовое сообщение.

Это снова попало точно. Слишком точно. Кузнецов дёрнулся, будто его ударили не словом, а фактом.

Аркадий Ильич тихо произнёс:

— Факты вообще неприятные существа. Особенно когда приходят без приглашения.

Кузнецов сжал папку.

— Вы токсичны.

Смерть не ответила.

— Холодны.

Она молчала.

— Эмоционально недоступны.

Молчание.

— Вы не умеете работать с людьми.

Вот теперь Смерть чуть подняла взгляд.

— Я работаю не с людьми.

— А с кем?

— С тем, что остаётся, когда человек заканчивается.

В отделе приёма стало так тихо, что было слышно, как таб-
ло меняет номер.

Г-771. Окно 2.

**Г-771, пожалуйста, перестаньте прятаться за колон-
ной.**

Кузнецов на секунду потерял уверенность. Но именно на
секунду.

— Красиво звучит, — сказал он. — Но это уход от от-
ветственности. Вы прикрываете свою профессиональную де-
формацию высокими словами. Я видел таких специалистов.
Они годами делают одно и то же, потом начинают думать,
что знают лучше всех, что кому нужно.

Смерть посмотрела на его дело. Оно висело в воздухе ря-
дом со стойкой: тонкая светящаяся нить, обрезанная резко,
глупо, без величия. Не каждая смерть была красивой. Боль-
шинство были просто последствиями.

— Вы ехали сто двадцать семь, — сказала она.

— Мы это уже обсуждали.

— В дождь.

- Дорога позволяла.
- В городе.
- Там широкая полоса.
- С открытым телефоном.
- Мне писали по работе.
- И вы умерли.
- Вы опять давите фактом!

Аркадий Ильич с интересом посмотрел на молодого ангела.

— Заметьте, новое направление жалоб. Фактическое давление. Надо будет передать в отдел формулировок, они обрадуются.

Молодой ангел шепнул:

- Они и так радуются редко.
- Поэтому и надо.

Кузнецов резко хлопнул папкой по стойке.

— Я требую, чтобы была зафиксирована моя позиция. Мне не была оказана поддержка. Со мной не провели предварительную беседу. Меня не предупредили. Мне не объяснили процесс. Мне не дали адаптироваться. И главное — со мной разговаривали так, будто я сам во всём виноват.

Смерть долго смотрела на него.

- А вы?
 - Что я?
 - Виноваты?
- Он замер.

— Это обвинение?

— Это вопрос.

— Не вам судить.

— Я и не сужу. Я завершаю.

— Удобно.

— Нет.

И впервые в её голосе что-то изменилось. Не сорвалось. Не дрогнуло. Просто стало чуть тише.

— Неудобно, — сказала Смерть. — Удобно думать, что смерть приходит потому, что она жестокая. Удобно кричать на меня. Удобно считать, что я виновата в вашем последнем сообщении, вашей скорости, вашей невнимательности, вашей поздней любви, вашей незаконченной фразе, вашем “потом”. Удобно бросить всё это мне в лицо и сказать: “Вы неправильно работаете”. Но я пришла в тот момент, когда ваши решения уже закончились. Не раньше.

В отделе никто не двигался.

Кузнецов смотрел на неё. И снова на секунду стал просто человеком, которому страшно. Не тренером, не автором курса, не возмущённым клиентом, не знатоком границ. Просто человеком, который понял, что последняя дверь закрылась не из-за двери.

Но он не выдержал этой честности.

— Вот, — сказал он глухо. — Вот это и есть ваша проблема.

Аркадий Ильич тихо произнёс:

— Не продолжайте.

Но Кузнецов продолжил.

— Вы даже сейчас не слышите. Вы не умеете быть рядом. Вы не умеете поддерживать. Вы не умеете говорить с болью. Может быть, вам вообще стоит сменить род деятельности.

Смерть посмотрела на него.

Никто не понял сразу, что именно изменилось. Она не вздрогнула. Не побледнела. Не повысила голос. Не сделала ни одного резкого движения. Но в отделе приёма стало холоднее. Не физически. Скорее по смыслу.

Даже табло на секунду перестало мигать.

Аркадий Ильич очень медленно поставил чашку.

— Вадим Олегович, — сказал он тихо, — вы сейчас разговариваете с той, кто пришёл к вам лично, когда ваши собственные решения перестали вас удерживать. Я бы на вашем месте остановился.

— А я бы на её месте задумался, — ответил Кузнецов, уже не так громко, но всё ещё упрямо. — Если все вас боятся, может быть, дело не во всех.

Молодой ангел опустил глаза.

Пожилая женщина перестала волноваться про суп.

Пёс тихо положил морду на лапы.

Смерть медленно взяла косу.

— Рассмотрение закончено.

— То есть вы отказываетесь принять обратную связь?

— Нет. Я её услышала.

— И?

— И вы пойдёте дальше.

— Я не закончил.

— Закончили.

В её голосе не было угрозы. Только итог.

Кузнецов хотел возразить, но воздух рядом с ним уже стал мягче, светлее, глубже. Переход открылся. Не торжественный, не страшный. Просто дорога туда, где споры больше не имеют смысла.

Он вдруг растерялся.

— Подождите.

Смерть молчала.

— А там... — Он сглотнул. — Там можно будет пересмотреть?

— Нет.

— А объяснить?

— Себе.

— А если я был неправ?

Смерть посмотрела на него внимательнее.

Вот это уже было похоже на начало принятия. Маленькое, скрипучее, неприятное, но настоящее. Она не стала добивать его фразой. Иногда молчание было милосерднее точности.

Кузнецов медленно шагнул к переходу. У самой границы остановился и оглянулся.

— Вы правда считаете, что не ошиблись?

Смерть ответила не сразу.

— В вашем завершении — нет.

— А в себе?

Он сам, кажется, не понял, зачем это спросил.

Смерть промолчала.

Кузнецов ушёл.

Переход закрылся.

Отдел приёма снова начал дышать. Где-то кашлянули. Табло ожило. Молодой ангел вытер лоб, хотя ангелам потеть было необязательно и считалось скорее эмоциональной инициативой.

Аркадий Ильич поднялся из-за стола.

— Не принимайте близко, — сказал он.

Смерть посмотрела на него.

— Я не принимаю близко.

— Конечно. Вы же у нас гранитная скала с должностной инструкцией.

— Аркадий Ильич.

— Что?

— Не начинайте.

Он вздохнул.

— Ладно. Не буду. Хотя очень хочется. Старость вообще коварна: вроде бы мудрость приходит, а вместе с ней привычка говорить неприятную правду без приглашения.

Смерть поставила косу на пол.

— Он был неправ.

— В основном да.

— В основном?

Аркадий Ильич посмотрел на неё поверх очков.

— Вот поэтому я и не хотел начинать.

— Говорите.

— Он хам. Самоуверенный, испуганный, запутавшийся хам, который умер по собственной глупости и пытался переложить её вам под ноги. Это правда.

— Но?

— Но вы устали.

Смерть отвела взгляд.

— Все устают.

— Не все работают без выходных с первого дня мира.

— У меня нет жалоб.

— У вас нет формы для жалоб.

Она посмотрела на него.

Аркадий Ильич пожал плечами.

— Я узнавал. В отделе кадров сказали: “Смерть не предусмотрена как субъект эмоционального выгорания”. Я ответил, что отдел кадров тоже не предусмотрен как источник здравого смысла, но он почему-то существует.

Смерть почти улыбнулась. Почти.

— Я справляюсь.

— Да. В этом и проблема. Когда кто-то слишком долго справляется, все вокруг начинают думать, что ему не тяжело.

За стойкой молодой ангел тихо занимался делами. Но слушал, конечно. Все слушали. В отделе приёма умерших слу-

шать умели: работа такая.

Смерть провела пальцами по древку косы.

— Он сказал, мне стоит сменить род деятельности.

Аркадий Ильич фыркнул.

— Люди часто говорят глупости в состоянии смерти.

— Он говорил уверенно.

— Это не показатель. Самые глупые вещи обычно говорят с отличной дикцией.

— Может быть, я правда слишком холодна.

Аркадий Ильич снял очки.

— Смерть.

— Что?

— Вы не должны быть тёплым пледом.

Она молчала.

— Вы должны быть дверью, которая открывается тогда, когда уже пора. Не раньше. Не позже. И желательно без скрипучей комиссии рядом.

— Двери тоже бывают разные.

— Да. Но если дверь в конце жизни начнёт обниматься, люди окончательно запутаются.

Смерть посмотрела на него. Теперь улыбка всё-таки мелькнула. Тонкая, быстрая, почти незаметная.

— Вы умеете утешать хуже меня.

— У меня другая специализация. Я принимаю тех, кого вы приводите. Это как работать на ресепшене после самого строгого охранника мироздания.

— Я строгий охранник?

— Нет. Вы хуже. Вы приходите без возможности пожаловаться начальству.

— Начальство есть.

Аркадий Ильич поднял глаза куда-то вверх.

— Начальство в курсе. Начальство обычно в курсе и молчит, чтобы мы сами дошли до очевидного. Его любимый стиль управления.

Смерть взяла со стойки распечатку жалобы Кузнецова. Там крупно было написано:

ЖАЛОБА НА НЕКОРРЕКТНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕРЕХОДА

Ниже шли пункты:

1. Холодный тон.

2. Угрожающий образ.

3. Отсутствие согласия.

4. Нарушение личных границ.

5. Эмоциональная недоступность специалиста.

6. Рекомендация: пересмотреть профессиональную пригодность.

Смерть задержала взгляд на последней строке.

Аркадий Ильич заметил.

— Сожгите.

— Это официальный документ.

— Тогда официально потеряйте.

— Вы начальник отдела.

— Поэтому знаю, какие документы лучше терять ради общего блага.

Смерть сложила лист пополам.

— Я оставлю.

— Зачем?

— Для отчёта.

— Вы же понимаете, что отдел жалоб попросит комментариев?

— Пусть просит.

— Они попросят подробно.

— Я отвечу кратко.

— Они попросят развёрнуто.

— Я отвечу кратко два раза.

Аркадий Ильич покачал головой.

— Упрямая.

— Профессиональная.

— Иногда это одно и то же.

Смерть не ответила. Она направилась к выходу.

У двери остановилась.

— Аркадий Ильич.

— Да?

— Вы правда думаете, что я устала?

Старый ангел посмотрел на неё долго и мягко. В его взгляде не было жалости. Смерть бы её не приняла. Там была забота, замаскированная под сухой служебный тон.

— Я думаю, — сказал он, — что даже самая крепкая дверь начинает скрипеть, если её открывают и закрывают без остановки с начала времён.

— Дверь можно смазать.

— Можно. А можно пару дней не хлопать ею каждые три секунды.

Смерть чуть кивнула.

— У меня дела.

— У вас всегда дела.

— Поэтому я и работаю.

— Поэтому вы и устали.

Она вышла.

В коридоре Канцелярии было шумно. Кто-то снова спорил у автомата вечного кофе. Младший сотрудник нёс коробку с надписью “срочные чудеса” и пытался не уронить из неё маленький золотой случай. Из соседнего отдела доносился крик: “Кто поставил печать ‘неизбежно’ на отпускной график?”

Смерть шла сквозь этот шум, держа жалобу в руке.

Обычно чужие слова соскальзывали с неё быстро. Проклятия, мольбы, торг, слёзы, обвинения — всё это было частью работы. Она не могла носить их в себе. Если бы носила,

давно бы стала не Смертью, а складом чужого отчаяния.

Но эта жалоба почему-то не соскальзывала.

“Угрожающий образ.”

Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле одного из окон. Высокая фигура в чёрном. Коса. Длинные волосы. Чёрные глаза. Лицо, которое люди видели в последний момент и потом уже не могли никому рассказать, каким оно было.

“Эмоциональная недоступность специалиста.”

Она медленно сложила лист ещё раз.

Из глубины памяти всплыло лицо женщины из палаты, которая сказала спасибо. Старик у окна. Парень на трассе. Бизнесмен, который слишком поздно вспомнил о дочери.

Потом голос Кузнецова:

“Может быть, вам вообще стоит сменить род деятельности.”

Смерть остановилась перед дверью своего кабинета.

Коса в её руке была привычной. Чёрный балахон — тоже. Тишина вокруг неё — тоже.

Всё было как всегда.

И именно это вдруг показалось странным.

Кристалл на столе за дверью уже мигал новыми делами. Ещё завершения. Ещё жалобы. Ещё просьбы. Ещё чужие последние минуты.

Смерть вошла, положила жалобу на стол и долго на неё смотрела.

Потом тихо сказала:

— Сменить род деятельности...

Коса у стены промолчала.

На этот раз молчание почему-то не помогло.

Глава 4

Ролики, которые нельзя было смотреть

Шеф не запрещал пользоваться технологиями. Он только считал, что некоторые кнопки стоило бы подписывать честно. Например: “Нажмите, если готовы потерять час, веру в людей и немного рассудка”.

Смерть вернулась в кабинет поздно.

Хотя слово “поздно” в её случае было условным. Поздно бывает у людей. У тех, кто опоздал на поезд, не успел позвонить матери, отложил разговор, не сказал “прости”, не успел выключить утюг или, что случалось чаще, считал, что ещё полно времени.

У Смерти поздно не было. У неё было “следующее дело”.

Кабинет встретил её привычной тишиной. Часы без стрелок висели на стене и показывали ровно то, что показывали всегда: ничего хорошего для тех, кто любит точность. Коса стояла у стены. Кристалл на столе мигал служебными уведомлениями, как маленький нервный чиновник, которому очень хочется испортить вечер.

Смерть положила жалобу Вадима Олеговича Кузнецова

перед собой.

Лист был сложен вчетверо, но всё равно будто смотрел на неё. Некоторым документам в Канцелярии это удавалось. Особенно тем, которые стоило сразу потерять.

Она развернула его.

ЖАЛОБА НА НЕКОРРЕКТНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕРЕХОДА

Пункты были всё те же.

Холодный тон.

Угрожающий образ.

Отсутствие согласия.

Нарушение личных границ.

Эмоциональная недоступность специалиста.

Рекомендация: пересмотреть профессиональную пригодность.

Смерть долго смотрела на последнюю строку.

Потом аккуратно положила лист на стол и сказала:

— Бред.

Коса у стены промолчала.

— Полный, — добавила Смерть.

Коса снова промолчала.

Смерть раздражённо посмотрела на неё.

— Могла бы поддержать.

Коса не поддержала. Коса вообще была идеальным рабочим инструментом: всегда рядом, никогда не спорит, не просит отпуск, не рекомендует дышать маткой и не присылает в три ночи видео “пять признаков, что вы живёте не свою жизнь”.

Кристалл мигнул.

Отдел жалоб просит комментарий по обращению гражданина К.

Смерть закрыла глаза.

— Комментарий: гражданин К. умер.

Кристалл подумал.

Недостаточно развёрнуто.

— Гражданин К. умер в результате цепочки собственных решений.

Слишком оценочно.

— Гражданин К. завершил жизненный путь.

Слишком формально.

Смерть медленно подняла взгляд на кристалл.

— Вы издеваетесь?

Кристалл вспыхнул синим.

Уточните адресата вопроса: отдел жалоб, отдел формулировок или мироздание в целом.

Смерть взяла со стола перо.

— Всем.

Ответ невозможен. Слишком широкий круг получателей.

— Тогда отделу жалоб.

Она быстро написала:

Завершение проведено в срок. Ошибки нет. Поведение завершённого лица в процессе перехода признано эмоционально насыщенным.

Кристалл мигнул.

Фраза “эмоционально насыщенным” может быть истолкована как сарказм.

— Может.

Заменить?

— Нет.

Кристалл послушно отправил ответ. Потом тут же выдал новое уведомление:

Отдел отчётности напоминает:

необходимо заполнить форму З-13 “Эмоциональная удовлетворённость завершённого лица”.

Смерть посмотрела на кристалл очень спокойно.

Кристалл, будь он живым, извинился бы. Но он был канцелярским, поэтому продолжал мигать.

— Эмоциональная удовлетворённость, — повторила Смерть тихо. — Завершённого лица.

Она встала из-за стола, прошлась по кабинету и остановилась у окна. За окном не было обычного вида. Иногда там

появлялись города. Иногда поля. Иногда больницы. Иногда просто ночь. Сегодня за стеклом тянулся бесконечный коридор Канцелярии. По нему бежал молодой сотрудник с папкой “Очень срочно”. За ним гналась сама папка “Ещё срочнее”.

Смерть некоторое время наблюдала за ними.

Потом снова посмотрела на жалобу.

“Угрожающий образ”.

Она перевела взгляд на своё отражение в тёмном стекле.

Высокая фигура в чёрном. Длинные чёрные волосы. Чёрные глаза. Балахон. Коса у стены.

Обычный рабочий вид.

Её рабочий вид.

Смерть медленно провела рукой по ткани балахона. Тот был лёгким и тяжёлым одновременно. Как тень, которую носят не на плечах, а внутри должности.

— Нейтральный серый, — сказала она с отвращением.

Кристалл, решив, что это запрос, услужливо открыл справочник цветов.

Нейтральный серый: оттенок без выраженной эмоциональной нагрузки. Часто используется в офисной среде, ремонте подъездов и документах, которые никто не хочет читать.

— Закрой.

Кристалл закрыл.

Смерть села обратно. Новых дел на столе было достаточ-

но, чтобы не думать. Это всегда помогало. Работа вообще хорошо спасала от мыслей, пока сама не становилась их причиной.

Она открыла следующее дело.

Старый врач. Завершение через сорок семь минут. Путь завершён. Спорных обстоятельств нет.

Смерть взяла косу, но не поднялась.

Сорок семь минут.

Редкая роскошь.

Она могла бы подготовить отчёт. Проверить апелляции. Разобрать накопившиеся запросы. Ответить отделу родственников. Отклонить очередное предложение отдела дизайна обновить символику смерти к новому тысячелетию. В прошлый раз они предлагали заменить косу на минималистичную линию “для более современного восприятия бренда”.

Смерть открыла ящик стола.

Внутри лежал старый служебный телефон. Канцелярия выдала его всем ключевым сотрудникам после реформы связи. Телефон был чёрный, тонкий и упрямый. Он работал везде: на земле, в Канцелярии, между мирами и, как выяснилось, в отделе совещаний, куда обычно даже здравый смысл не проходил.

Смерть взяла телефон.

На экране было семнадцать непрочитанных уведомлений.

Пять от Аркадия Ильича.

Не читайте жалобу второй раз.

Если уже читаете — положите.

Если не положили — хотя бы не отвечайте сразу.

Отдел жалоб прислал копию. Я их проклял в рамках полномочий.

Вы точно в порядке?

Смерть посмотрела на последнее сообщение дольше остальных.

Потом напечатала:

Работаю.

Подумала и стёрла.

Напечатала:

В порядке.

Стёрла.

Напечатала:

Да.

Отправила.

Ответ пришёл почти сразу.

Это не ответ. Это звук закрывающейся двери.

Смерть чуть прищурилась.

Аркадий Ильич, у вас работа? — написала она.

У меня отдел недавно умерших, — ответил он. — Они хотя бы уже знают, чем всё закончилось. С вами сложнее.

Смерть убрала телефон экраном вниз.

Через секунду снова взяла.

Не из-за Аркадия. Просто на экране всплыло случайное уведомление. Внизу, под служебными сообщениями, телефон почему-то предлагал короткое видео.

“Пять признаков, что вы слишком долго были удобной для всех”.

Смерть посмотрела на экран.

— Что за чушь?

Телефон, как большинство технологий, воспринял вопрос как интерес.

Видео запустилось.

На экране появилась женщина в светлом пиджаке. За её спиной стояла ваза с сухими травами, два идеально бесполезных блокнота и свеча, которая явно горела не ради света, а ради атмосферы.

— Если вы постоянно спасаете других, — сказала женщина мягким, уверенным голосом, — но никто не спрашивает, как вы себя чувствуете, возможно, вы застряли в роли удобной женщины.

Смерть моргнула.

— Я не женщина.

Она посмотрела на своё отражение в окне.

— То есть женщина. Но не в этом смысле.

Женщина на экране продолжала:

— Первый признак: вы всегда приходите, когда вас зовут.

— Меня не зовут, — сухо сказала Смерть. — Меня боятся.

— Второй признак: вы берёте на себя чужую боль.

Смерть замолчала.

В кабинете стало тише.

Женщина на экране наклонилась чуть ближе к камере, будто собиралась продать не курс, а спасение по скидке.

— Третий признак: вы давно не спрашивали себя, чего хотите именно вы.

Смерть нажала паузу.

На экране лицо женщины застыло в выражении бережного всезнания.

— Чего хочу я? — переспросила Смерть.

Коса у стены молчала.

Кристалл на столе мигнул новым делом. Старый врач. До завершения сорок две минуты.

Смерть снова нажала на экран, собираясь закрыть видео. Но палец попал не туда. Видео сменилось следующим.

Теперь на экране сидела другая женщина. В огромном свитере, с кружкой в руках и лицом, которое обещало понять всё, включая то, чего зритель сам не понимал.

— Вы не обязаны быть сильной всё время, — сказала она.

Смерть усмехнулась.

— Обязана.

— Если система держится только на вас, — продолжила женщина с кружкой, — это не ваша сила. Это эксплуатация вашей ответственности.

Смерть перестала усмехаться.

За дверь кабинета прошли двое сотрудников. Один говорил:

— А если она не подпишет?

Второй ответил:

— Тогда подпишем у заместителя.

— У неё нет заместителя.

— Вот именно. Поэтому и ждём её.

Шаги удалились.

Смерть посмотрела на дверь.

Видео играло дальше.

— Иногда, — говорила женщина, — чтобы тебя наконец увидели, нужно перестать быть доступной.

Смерть резко выключила телефон.

— Глупость.

Она положила его на стол.

Телефон лежал тихо.

Три секунды.

Потом экран снова засветился.

“Выгорание у сильных женщин: почему вы не железная”.

— Я не железная, — сказала Смерть. — Я хуже.

Она всё-таки открыла видео.

На этот раз говорила молодая девушка на фоне книжного шкафа, где книги стояли не для чтения, а по цветам. Девушка уверенно объясняла, что сильные женщины часто выбирают тяжёлые роли, потому что в детстве их научили заслу-

живать любовь через ответственность.

Смерть слушала минуту.

— У меня не было детства, — сказала она экрану.

Девушка на экране улыбнулась так, будто это тоже уже включено в курс.

— Даже если вам кажется, что у вас не было детства, ваш внутренний ребёнок всё равно ждёт внимания.

Смерть медленно подняла бровь.

— Если у меня появится внутренний ребёнок, отдел кадров закроется на карантин.

Следующее видео было про личные границы.

Потом про токсичные системы.

Потом про то, как распознать эмоциональное выгорание.

Потом про “почему вас раздражают люди, которые от вас зависят”.

Потом про “как перестать спасать всех и начать жить свою жизнь”.

Смерть смотрела сначала с презрением. Потом с раздражением. Потом уже просто смотрела.

Алгоритм, почувствовав внимание, радостно расправил невидимые крылья.

Он не знал, кто такая Смерть. Не понимал, что ему достался пользователь с возрастом старше истории и профессией, которую нельзя указать в настройках профиля. Но алгоритму и не надо было понимать. Алгоритмы вообще прекрасно живут без понимания. Им достаточно заметить, где

человек задержал палец на полсекунды дольше.

А Смерть задерживала.

Ещё одно видео.

Теперь мужчина с мягким голосом говорил:

— Если вы часто слышите в свой адрес “ты холодная”, возможно, вы просто слишком долго защищали себя от чужих эмоций.

Смерть опустила глаза на жалобу Кузнецова.

Холодный тон.

Видео продолжалось:

— Холод — это не характер. Это броня.

Смерть выключила звук.

Мужчина на экране продолжил молча открывать рот. Так он понравился ей больше.

Кристалл мигнул.

Старый врач. Завершение через тридцать минут.

Смерть отложила телефон.

— Работа.

Она поднялась. Взяла косу. Открыла дорогу.

Старый врач лежал дома, не в больнице. Это было редкостью и почему-то всегда выглядело правильнее. Комната была заставлена книгами, старыми медицинскими журналами, фотографиями с конференций и банками с таблетками, которые врач сам себе назначал, отменял и снова назначал с таким видом, будто спорил с коллегой.

У кровати сидела взрослая дочь. На тумбочке остывал

чай. В углу тихо тикали часы. Живые часы, со стрелками. Смерть всегда смотрела на них с лёгким недоверием. Стрелки слишком много обещали.

Врач увидел её сразу.

— Ага, — сказал он хрипло. — Значит, всё-таки сегодня.

— Сегодня.

— Я думал, ещё пару дней.

Смерть посмотрела в дело.

— Вы так думали три недели.

— Профессиональная привычка. Врач всегда надеется, что организм не читал прогноз.

Дочь сжала его руку, не слыша Смерти, но чувствуя перемену.

— Пап, тебе больно?

— Нет, — соврал врач.

Смерть молча посмотрела на него.

Он заметил.

— Ладно, больно. Но я же не на обходе, чтобы всем жаловаться.

Дочь заплакала.

— Я сейчас позвоню врачу.

— Маш, — тихо сказал он. — Я и есть врач. Самому себе уже надоел.

Смерть стояла у окна. Ей нравились такие люди: упрямые, ясные, без лишнего торга. Они иногда спорили, но по делу. Не кричали на дверь за то, что она дверь.

Врач посмотрел прямо на неё.

— Дайте минуту?

Смерть кивнула.

— Минуту.

Он повернулся к дочери.

— Слушай внимательно. В верхнем ящике деньги. Не потому что я не доверяю банкам, а потому что банки слишком оптимистично относятся к собственной вечности. Ключи от дачи у соседки. Машину продай. Она гнилая, не слушай дядю Витю. Дядя Витя сам гнилой в техническом смысле.

Дочь сквозь слёзы вдруг фыркнула.

— Папа.

— Что папа? Я умираю, могу говорить правду без дипломатии.

Смерть чуть заметно улыбнулась.

Врач это увидел.

— А вы улыбаетесь?

— Иногда.

— Хорошо. А то про вас всякое говорят.

Смерть замерла.

— Что говорят?

— Да всё то же, что про врачей. Холодные, циничные, бездушные. Пока не понадобится, конечно.

Он закашлялся. Дочь испуганно наклонилась к нему, но он слабо махнул рукой.

— Не суетись. Суета помогает только тем, кто не знает,

что делать.

Смерть посмотрела на него внимательнее.

— Вас это не обижало?

— Что?

— Что вас называли холодным.

Врач усмехнулся.

— Первые лет десять — да. Потом понял: если я буду плакать с каждым, кто плачет, лечить будет некому. Это не холодность. Это рабочая температура.

Смерть молчала.

Врач прикрыл глаза.

— Хотя, знаете, иногда рабочая температура падает слишком низко. Тут надо следить.

Он сказал это не ей. Скорее себе. Но Смерть услышала.

Минута закончилась.

Она протянула руку.

Врач посмотрел на дочь, потом на Смерть.

— Ну что, коллега, ведите.

— Мы не коллеги.

— У всех своя специализация. У вас просто приём последний.

— Не все это ценят.

— Пациенты вообще неблагодарный народ. Особенно живые.

Он вложил руку в её ладонь и поднялся легко, с явным удивлением.

— Спина не болит, — сказал он.

— Уже нет.

— Прекрасно. Надо было раньше умереть.

— Не надо.

— Шутка.

— Плохая.

— Врачебная.

У границы он остановился.

— Дочь справится?

— Не сразу.

— Значит, справится.

— Да.

Он кивнул и ушёл.

Смерть вернулась в кабинет с неприятным ощущением, будто работа вместо того, чтобы отвлечь, добавила ещё один голос в общий шум.

“Это не холодность. Это рабочая температура.”

Она сняла балахон с плеч и тут же надела обратно. Не потому что замёрзла. В её кабинете температуры не было. Просто без него стало странно. Словно она на секунду сняла не одежду, а объяснение самой себя.

Телефон лежал экраном вниз.

Смерть смотрела на него.

Телефон молчал.

Это было подозрительно.

Она перевернула его.

На экране уже ждало новое видео.

“Рабочая броня: как понять, что вы давно перестали чувствовать себя живой”.

Смерть медленно выдохнула.

— Я не живая.

Видео началось само.

На экране появилась женщина в тёмно-зелёном костюме. Серьёзная, ухоженная, с голосом, в котором каждое слово уже было оплачено на марафоне.

— Если вы говорите “я не живая”, — мягко сказала женщина, — это тревожный сигнал.

Смерть уставилась на экран.

— Что?

— Возможно, вы слишком долго отождествляли себя с функцией.

Смерть выключила видео.

Включила.

Выключила.

Снова включила.

Женщина продолжала:

— Вы не ваша работа. Вы не ваша роль. Вы не то, что привыкли ждать от вас другие.

Смерть резко положила телефон на стол и встала.

— Всё.

Она прошлась по кабинету. Потом вернулась. Посмотрела на телефон. Снова прошлась. Потом взяла жалобу Кузнецо-

ва, собираясь наконец убрать её в дело.

На последней строке взгляд снова зацепился.

Рекомендация: пересмотреть профессиональную пригодность.

Телефон тихо пикнул.

“Три вопроса, которые нужно задать себе, если вы сомневаетесь в своём предназначении”.

Смерть села.

— Последнее, — сказала она строго. — И всё.

Коса у стены, возможно, осуждала. Но молча.

На экране появился мужчина с бородой, в слишком уютном свитере для человека, который собирался говорить о предназначении.

— Первый вопрос, — сказал он. — Кто вы без своей работы?

Смерть ответила сразу:

— Смерть.

Мужчина на экране продолжал, будто не услышал:

— Если ответить трудно, значит, вы слишком долго жили не свою жизнь.

Смерть замолчала.

В кабинете стало тихо.

Не обычной рабочей тишиной. Другой. Личной. Неприятной.

Кто вы без своей работы?

Она посмотрела на косу. На чёрный балахон. На кристалл.

На дела. На дверь, за которой мир ждал её следующего появления.

Кто она без работы?

Вопрос был глупый. Непрофессиональный. Поверхностный. Из тех, которые задают люди с идеальным светом в кадре и курсом по скидке до полуночи.

И всё же он остался.

Смерть закрыла видео.

Но алгоритм уже работал. Внизу экрана выстроились новые предложения:

“Как выйти из токсичной системы”.

“Почему сильные женщины выбирают одиночество”.

“Вы не обязаны спасать всех”.

“Новая версия себя начинается с честного вопроса”.

“Перестаньте быть удобной”.

Смерть коснулась последнего.

Девушка на экране говорила быстро, энергично, почти весело:

— Если все вспоминают о вас только тогда, когда им плохо, поздравляю: вы не близкий человек, вы бесплатная служ-

ба спасения.

— Я не бесплатная, — сказала Смерть.

Она задумалась.

— Хотя оплаты нет.

Видео продолжалось:

— Попробуйте исчезнуть на день. Просто исчезнуть. И вы увидите, кому вы нужны, а кому была нужна только ваша функция.

Смерть смотрела на экран не мигая.

В этот момент кристалл вспыхнул красным.

Срочное завершение.

Категория: внезапное.

Время: сейчас.

Работа.

Смерть встала так быстро, будто её поймали за чем-то постыдным. Телефон остался на столе, видео продолжало играть без звука. Девушка энергично жестикулировала, призывая неизвестных женщин перестать быть удобными для чужих сценариев.

Смерть взяла косу.

Открыла дорогу.

На этот раз это был мужчина в маленькой кухне. Сердце. Быстро. Неожиданно. Жена в соседней комнате не сразу поняла, почему он так тихо уронил чашку. Кот сидел на холо-

дильнике и первым заметил Смерть.

Мужчина увидел её и испугался.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Но я же только чай поставил.

— Вода закипела.

— И что?

— Это не аргумент.

Он схватился за край стола.

— Подождите, жена...

— Она придёт через семь секунд.

— Я хочу сказать ей...

— Не успеете.

— Ну пожалуйста.

Смерть посмотрела в дело. Путь завершён. Спорных обстоятельств нет. Апелляция невозможна.

— Нет.

Семь секунд прошли. Жена вошла на кухню.

— Серёж, ты чего там?..

Чашка лежала на полу. Чай расползлся по плитке тёмным пятном.

Женщина закричала.

Мужчина рванулся к ней, но уже не мог коснуться.

— Подождите! — закричал он Смерти. — Ну одну минуту! Вы что, не можете по-человечески?

Смерть замерла.

По-человечески.

Она слышала это тысячу раз. Но сегодня слова цеплялись за те же места, куда уже попали “холодность”, “границы” и “сменить род деятельности”.

Мужчина смотрел на жену, которая трясущимися руками пыталась вызвать скорую.

— Я ей вчера нагрубил, — сказал он. — Из-за ерунды. Из-за полотенца. Господи, из-за полотенца. Ну как так? Дайте сказать.

Смерть молчала.

Дело было ясно. Всё было ясно. Срок. Путь. Завершение.

Но где-то в памяти щёлкнул голос из видео:

“Вы не обязаны спасать всех”.

Потом голос врача:

“Рабочая температура”.

Потом Кузнецов:

“Вы не умеете говорить с болью”.

Смерть медленно закрыла глаза.

— Нет, — сказала она наконец. Голос был ровный.

— Почему? — мужчина почти плакал.

— Потому что если я начну давать каждому минуту после завершения, живые перестанут жить до него.

Он не понял. Конечно, не понял.

Смерть сама не была уверена, что сказала это ему.

Она протянула руку.

Мужчина смотрел на жену. Потом на Смерть. Потом сно-

ва на жену.

— Я был дурак.

— Да.

— Можно мягче?

— Поздно.

Он неожиданно рассмеялся сквозь слёзы.

— Вы ужасная.

— Сегодня мне уже говорили.

Он взял её руку.

Когда они ушли, жена на кухне всё ещё говорила в телефон: “Он упал... он просто упал...” Кот сидел на холодильнике и смотрел на чай, потому что коты умеют отделять трагедию от хозяйственного ущерба.

Смерть вернулась в кабинет.

Телефон всё ещё лежал на столе.

Видео закончилось. На экране висела надпись:

“Хотите узнать, почему вы выбираете недоступных людей, тяжёлые роли и токсичные системы?”

Ниже было две кнопки:

Да, хочу разобраться.

Напомнить позже.

Смерть посмотрела на кнопки.

— Нет варианта “оставьте меня в покое”.

Телефон, разумеется, не предложил.

Она нажала “напомнить позже”.

Экран тут же показал:

Мы напомним через 15 минут.

— Предатель.

Кристалл мигнул.

Отдел жалоб прислал повторный запрос.

Требуется расширенный комментарий по жалобе гражданина К.

Смерть взяла перо.

Написала:

Ошибки нет.

Остановилась.

Добавила:

Вопрос профессиональной пригодности считаю закрытым.

Потом посмотрела на фразу и поняла, что не верит ей так же твёрдо, как утром.

Она стёрла вторую строку.

Оставила только:

Ошибки нет.

Кристалл отправил.

Телефон снова пикнул.

“Если вы всё время доказываете, что с вами всё в порядке, возможно, с вами не всё в порядке”.

Смерть медленно повернула голову к экрану.

— Ещё одно слово, и я завершу твой жизненный цикл

вручную.

Телефон погас.

В кабинете стало тихо.

На столе лежала жалоба. Рядом — телефон. В кристалле ждали дела. У стены стояла коса. Всё было на своих местах.

Кроме одной мысли.

Она не уходила.

“Кто вы без своей работы?”

Смерть поднялась и подошла к окну. В отражении снова была она: высокая, статная, чёрная, спокойная. Та, кого боялись. Та, кого обвиняли. Та, кто приходила вовремя. Та, кто не имела права на “не хочу”.

В коридоре кто-то засмеялся. Кто-то выругался. Кто-то уронил папку. Канцелярия продолжала жить своей вечной, шумной, нелепой жизнью.

А Смерть впервые за очень долгое время не пошла сразу к следующему делу.

Она взяла телефон.

Открыла поиск.

Пальцы зависли над экраном. Потом она медленно набрала:

что делать если устала от своей работы

Телефон подумал меньше секунды.

Первым результатом была реклама:

“Верните себя себе. Консультация психолога-таролога. Личные границы, родовые сценарии, предназна-

чение. Первая встреча со скидкой 30%”.

На фотографии улыбалась женщина с яркими глазами, круглыми щёками, весёлыми кудрями и таким видом, будто она уже знала про человека всё, но готова была удивиться за дополнительную плату.

Смерть смотрела на объявление.

Потом тихо сказала:

— Психолог-таролог...

Коса у стены промолчала.

Смерть нажала “сохранить контакт”.

Глава 5

Консультация у специалиста по себе

Шеф считал, что самые опасные советы обычно звучат тихо. Не “немедленно разрушите порядок мироздания”, а “просто попробуйте услышать себя”. После таких фраз в Канцелярии обычно проверяли архивы, несущие стены и наличие Смерти на рабочем месте.

Кабинет психолога-таролога находился на третьем этаже старого дома в центре города.

Дом снаружи выглядел так, будто пережил революцию, капитальный ремонт, управляющую компанию и теперь держался только из упрямства. У подъезда висела домофонная панель, на которой половина кнопок не работала, зато работали сразу три объявления: “Курьерам не звонить всем подряд”, “Кошку с пятого этажа не кормить, у неё диабет” и “Приём у Мирославы Селены — по записи”.

Смерть остановилась перед подъездом и посмотрела на последнее объявление.

МИРОСЛАВА СЕЛЕНА

психолог, таролог, проводник личных трансформаций

работа с родовыми сценариями, предназначением и женской энергией

Ниже, от руки, было приписано:

Если вы потеряли себя — заходите.

Если потеряли бахилы — тоже заходите, но босиком.

Смерть прочитала это дважды.

— Проводник, — сказала она. — Посмотрим, куда.

Коса осталась в кабинете. Смерть решила, что явиться с косой к земному специалисту — слишком прямолинейно. Балахон она тоже попыталась заменить. Правда, любая одежда на ней через несколько минут начинала выглядеть так, будто собирается стать чёрным балахоном, просто пока стесняется.

В итоге на ней было длинное чёрное пальто, чёрное платье и высокие чёрные сапоги. Почти земной образ. Если не смотреть в глаза.

В глаза лучше было не смотреть.

Она поднялась на третий этаж. Лестница пахла влажной штукатуркой, чужими ужинами и вечной борьбой жильцов с управляющей компанией. На втором этаже кто-то ругался за дверью:

— Я тебе говорю, это не психолог, это гадалка!

— Не ори, она мне бывшего энергетически отвязала!

— Он сам уехал в Тольятти!

— Значит, сработало!

Смерть остановилась у нужной двери.

На двери висел маленький деревянный полумесяц, связка колокольчиков и табличка:

МИРОСЛАВА СЕЛЕНА

здесь можно быть собой

Смерть посмотрела на табличку с недоверием.

— Рискованное обещание.

Она нажала звонок.

За дверью что-то звякнуло, потом упало, потом женский голос весело сказал:

— Одну минутку! Если это курьер, я ничего не заказывала, кроме гармонии, но её обычно приношу сама!

Дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина лет сорока с небольшим — невысокая, округлая, румяная, живая, с тёмно-рыжими кудрями, большими серьгами, ярким шарфом и глазами, в которых одновременно помещались любопытство, хитрость, оптимизм и готовность немедленно объяснить человеку, что с ним происходит, даже если он ещё не сел.

— Ой, какая вы! — выдохнула она.

Смерть чуть подняла бровь.

— Какая?

— Глубокая, — мгновенно нашлась женщина. — Прямо

до нижних слоёв. Заходите. Только обувь можно не снимать.
Я чувствую, вы не про тапочки.

Смерть вошла.

Кабинет был маленький, тёплый и перегруженный смыслом. Там были свечи, пледы, подушки, карты таро, камни, ловцы снов, три растения в горшках, статуэтка женщины с луной на голове, полка с книгами “Путь к себе”, “Разбуди богиню”, “Деньги любят расслабленных”, “Травма рода и печеньё”, а также чайник, который шипел так, будто тоже проходил личную трансформацию.

На стене висел плакат:

ТЫ НЕ СЛОМАНА.

ТЫ ПРОСТО НЕ РАЗВЕРНУЛАСЬ К СЕБЕ ЛИЦОМ.

Смерть прочитала.

— Бывает, — сказала она.

— Вот! — радостно сказала Мирослава, закрывая дверь.

— Уже отклик пошёл.

— Я просто прочитала.

— Ничего просто так не бывает.

— Бывает.

— Вы сопротивляетесь.

— Я уточняю.

— Уточнение — это сопротивление в деловом костюме,

— сказала Мирослава и показала на кресло. — Садитесь.

Чай? У меня травяной сбор “Мягкое отпусkanie контроля”.

— Нет.

— Вода?

— Нет.

— Тогда просто посидим в контакте.

Смерть посмотрела на неё.

— Я бы предпочла без контакта.

— Прекрасно, — не смутилась Мирослава. — Значит, границы уже вышли на первый план.

Она села напротив, взяла блокнот с золотой надписью “Путь клиента” и приготовилась писать. На обложке была нарисована женщина, стоящая на горе с раскинутыми руками. Смерть знала достаточно людей, чтобы понимать: если женщина на блокноте стоит на горе с раскинутыми руками, внутри почти наверняка будет дорого.

— Как мне к вам обращаться? — мягко спросила Мирослава.

— Смерть.

Ручка выпала из пальцев Мирославы и звонко ударилась о чашку.

Свеча на столе дёрнулась. Чайник зашипел громче. Одно растение, стоявшее ближе всех к Смерти, заметно склонилось в сторону окна, будто внезапно вспомнило важные дела на улице.

Мирослава перестала улыбаться.

И вот теперь стало понятно: она услышала.

Не “архетип”. Не “метафору”. Не “женщину в тяжёлом образе”. Она на секунду поняла, что перед ней сидит не клиентка с интересной самопрезентацией, а та самая. Настоящая. Та, к которой однажды попадут все её клиенты, подписчики, бывшие, будущие и даже женщина из налоговой, которая заблокировала ей счёт за неправильный код деятельности.

Мирослава сглотнула.

— Простите... — сказала она тише. — Вы сейчас... в каком смысле?

— В прямом.

— То есть...

— Да.

Мирослава медленно посмотрела на дверь. Потом на окно. Потом на свои тапочки. Видимо, оценивала, насколько быстро можно бежать в тапочках от сущности, которая бег не считает аргументом.

— Я... — начала она и тут же замолчала.

Смерть ждала.

Мирослава сделала вдох. Потом ещё один. На третьем вдохе в её глазах страх вдруг начал смешиваться с чем-то совсем другим. Сначала с интересом. Потом с восторгом. Потом с профессиональным азартом человека, которому жизнь только что прислала клиента, после которого слово “кейс” уже никогда не будет прежним.

— Ко мне пришла Смерть, — прошептала она.

— Пришла.

— Сама?

— Очевидно.

— Без рекомендации?

— С рекламного объявления.

Мирослава схватилась за край стола.

— Реклама сработала на Смерть...

Она сказала это таким тоном, будто сейчас либо расплачется, либо повысит стоимость консультации в три раза.

— Вы в порядке? — сухо спросила Смерть.

— Нет, — честно ответила Мирослава. — Но это рабочее.

Она быстро нагнулась, подняла ручку, села, открыла блокнот и дрожащей рукой написала что-то крупно. Смерть наклонила голову.

На странице было написано:

СМЕРТЬ. НАСТОЯЩАЯ. НЕ ШУТКА. ДЫШАТЬ.

Мирослава заметила её взгляд и прикрыла запись ладонью.

— Это личные заметки специалиста.

— Там написано “дышать”.

— Иногда специалисту тоже нужна опора.

Смерть чуть прищурилась.

— Вы испугались.

— Конечно, — сказала Мирослава и вдруг улыбнулась почти радостно. — Я же не идиотка. Ну... не в этом месте.

— И всё равно хотите продолжать?

— Хотеть? — Мирослава выпрямилась, глаза у неё блес-

нули. — Ко мне пришла сама Смерть с запросом. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— Это значит, что мироздание доверило мне предельный случай.

— Или ошиблось этажом.

— Ошибки тоже ведут к росту, — уверенно сказала Мирослава, снова входя в привычный тон. — Но я чувствую, это не ошибка. Это судьба.

— У судьбы сегодня плохой вкус.

— Вкус — это тоже тема, — быстро записала Мирослава.

Смерть посмотрела на неё долгим взглядом.

— Вы понимаете, что можете умереть?

Мирослава замерла. Глаза у неё снова стали большими.

— Сейчас?

— Вообще.

— Вообще я и так понимала, — осторожно сказала она.

— Но рядом с вами как-то убедительнее.

— И вас это не останавливает?

Мирослава медленно положила ручку, сцепила пальцы и посмотрела на Смерть уже не как испуганная женщина, а как человек, которому очень страшно, но очень интересно.

— Знаете, я всю жизнь работаю с людьми, которые боятся перемен, старости, одиночества, отношений, денег, матерей, бывших, будущего и иногда ковров в кабинете, если на них падает карта Башня. Но по сути все они боятся вас. А теперь

вы сидите у меня в кресле и говорите, что устали. Простите, но я не могу это пропустить.

— Это не любопытство, это профессиональная жадность.

— Да, — радостно сказала Мирослава. — Но с эмпатией.

Смерть впервые чуть заметно улыбнулась.

— Вы хотя бы честная.

— Не всегда. Но в важных местах стараюсь.

Мирослава откинулась в кресле, поправила шарф с павлином и снова стала похожа на себя — весёлую, наглую, живую женщину, которая боится, но не собирается выпускать из рук такой подарок вселенной.

— Итак, — сказала она, взяла блокнот и на этот раз уже твёрже написала дату. — Смерть пришла на консультацию. Прямо на консультацию. Не за мной. Не вместо меня. А ко мне. Это важно уточнить для нервной системы.

— Уточнили?

— Почти.

— Продолжайте.

— Как мне к вам обращаться?

Смерть чуть наклонила голову.

— Я уже сказала.

— Смерть — это должность.

— Это я.

— Вот с этим мы и будем работать, — оживилась Мирослава.

— Не будем.

— Уже начали.

— Я могу уйти.

— Конечно, — мягко сказала Мирослава. — Но вы не уходёте.

Смерть посмотрела на неё холодно.

— Почему?

Мирослава взяла чашку, чтобы занять руки, но заметила, что чай дрожит, и поставила обратно.

— Потому что если бы вы хотели уйти, вы бы не поднимались на третий этаж по лестнице с запахом капусты. Вы бы просто исчезли. Значит, что-то вас привело. Не ноги. Не реклама. Запрос.

Смерть молчала.

Мирослава заметила это молчание и сразу надавила мягче:

— Что случилось?

— Ничего.

— Ничего не приводит Смерть к психологу.

— Вы переоцениваете свою профессию.

— Возможно. Но не сегодня.

Смерть посмотрела на плакат, свечи, карты, блокнот. Всё это было нелепо. Человечески. Мягко. Слишком пахло ванилью и уверенностью. Ей хотелось встать, сказать “ошибка” и уйти.

Но в кармане пальто лежала сложенная жалоба.

Она не взяла её специально. Просто положила туда рань-

ше и забыла. Или не забыла.

Мирослава проследила за её движением.

— У вас что-то с собой.

— Нет.

— Вы сейчас соврали.

— Я не обязана отвечать.

— Это правда. Но вы пришли к человеку, который за деньги задаёт неудобные вопросы. Было бы странно ожидать от меня молчания.

Смерть медленно достала лист.

Мирослава вытянула шею.

— Это документ?

— Жалоба.

— На вас?

Смерть положила лист на стол.

— Да.

Мирослава потянулась к нему, но остановилась и вопросительно посмотрела.

— Можно?

— Нет.

— Тогда я буду читать вверх ногами. Это менее этично, но очень развивает гибкость.

Смерть посмотрела на неё.

— Можно.

Мирослава взяла лист с почти священным трепетом. Пробежала глазами пункты. По мере чтения её лицо менялось:

интерес, сочувствие, раздражение, профессиональное возбуждение, снова страх, снова восторг.

— “Холодный тон”... “угрожающий образ”... “нарушение личных границ”... “эмоциональная недоступность специалиста”... — прочитала она вслух и подняла глаза. — Он был мёртв?

— Уже да.

— И всё равно написал жалобу?

— В отделе приёма.

— Сильный клиентский путь, — пробормотала Мирослава.

— Что?

— Ничего. Профессиональное.

Она положила лист перед собой.

— Вас это задело.

— Нет.

— Задело.

— Нет.

— Вы принесли жалобу на консультацию.

— Случайно.

— Смерть случайно принесла на консультацию документ, где ей рекомендуют пересмотреть профессиональную пригодность?

— Да.

— И это, конечно, никак вас не задело?

Смерть молчала.

Мирослава чуть наклонилась вперёд. Голос у неё стал мягче, но от этого не безопаснее.

— Вы ведь привыкли, что вас боятся. Проклинают. Торгуются. Кричат. Но здесь другое. Он не просто испугался. Он назвал вашу суть неправильной.

Смерть медленно подняла глаза.

— Продолжайте осторожно.

— Видите? Тема живая.

— Это угроза.

— Нет, это защита.

— Я могу показать разницу.

Мирослава быстро подняла ладони.

— Не надо. Я верю экспертно.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Смерть — холодно и неподвижно. Мирослава — испуганно, но всё равно упрямо. Странная женщина. Большинство людей в такой ситуации уже начали бы молиться, торговаться или обещать стать лучше. Эта же явно прикидывала, как построить терапевтический процесс с вечной сущностью, если та не убьёт её на первой сессии.

— Вы давно устали, — сказала Мирослава.

— Я не говорила.

— Вы и не должны. Усталость у вас стоит в дверях раньше вас. Вон там, рядом с пальто.

Смерть не повернулась.

— Не поэтизируйте.

— Хорошо. Тогда проще: вы выгорели.

— Я не горю.

— Поэтому и выгорели.

Смерть прищурилась.

— Вы все слова используете так, как вам удобно?

— Это основа частной практики, — с готовностью ответила Мирослава. — Но сейчас я серьёзно.

— Сомневаюсь.

— Вы веками делали работу, за которую вас ненавидят. Вас никто не благодарит, потому что те, кто мог бы понять, уже ушли дальше. Живые видят в вас конец, мёртвые — причину, Канцелярия — функцию. А вы приходите. Всегда. Вовремя. Одна. И ещё должны выглядеть так, как всем страшно, но привычно.

Смерть замерла.

Мирослава заметила попадание и, как всякий человек с опытом консультаций и продаж, не отпустила.

— Кто вы без этого?

— Смерть.

— Это не ответ. Это табличка на двери.

— Это суть.

— Или клетка.

Воздух в кабинете похолодел.

Чайник перестал шипеть. Свеча резко вытянулась вверх тонким языком. Мирослава побледнела, но не отступила. Только пальцы у неё крепче сжали ручку.

— Осторожнее, — сказала Смерть.

— Я осторожно, — тихо ответила Мирослава. — Просто вы привыкли, что к вам осторожно подходят все, кроме вопросов.

Смерть встала.

Мирослава тоже вскочила, но не чтобы убежать. Скорее чтобы не потерять контакт.

— Сядьте, — сказала Смерть.

— Нет.

— Вы боитесь.

— Очень.

— Тогда сядьте.

— Если сяду, вы уйдёте.

— Возможно.

— Тогда нет.

Смерть смотрела на неё несколько секунд.

— Вы странная.

— Да, — быстро сказала Мирослава. — Но полезная.

Иногда. Местами.

Смерть всё-таки села первой.

Мирослава медленно опустилась обратно в кресло, выдохнула и тут же, будто испугалась собственной паузы, схватила колоду карт.

— Давайте сделаем расклад.

— Нет.

— Один вопрос.

— Нет.

— Тогда без вопроса. Диагностически.

— Я не верю в карты.

— Прекрасно. Значит, они вас не обидят.

— Вы манипулируете.

— Мягко.

— Это не оправдание.

— Это стиль.

Мирослава раскрыла бархатную коробку. Карты лежали внутри тёмной плотной стопкой. На крышке была луна, глаз и рука, которую явно рисовал человек, верящий в загадочность больше, чем в анатомию.

— Вытащите одну, — предложила Мирослава, поддвигая колоду.

— Зачем?

— Чтобы вы потом сказали, что это глупость, а я увидела, на каком слове вы задержите дыхание.

Смерть посмотрела на неё с неожиданным интересом.

— Вы это честно сказали.

— Я иногда раскрываю метод. Это создаёт доверие.

— Или разрушает.

— Тоже вариант.

Смерть взяла карту. Холодные пальцы коснулись колоды, и свечи в кабинете одновременно дрогнули. Мирослава заметила это и быстро сделала вид, что так всегда.

Карта легла на стол.

На ней был скелет на белом коне.

Подпись:

СМЕРТЬ.

Мирослава молча смотрела на карту.

Потом на Смерть.

Потом снова на карту.

— Ну, — сказала она наконец, очень стараясь звучать бодро. — Зато без двусмысленностей.

— В вашей профессии они не предусмотрены?

— У нас они обычно оплачиваются отдельно.

Смерть взяла карту и посмотрела на неё с лёгким раздражением.

— Карта неправильная.

— Почему?

— Я не скелет.

— Архетипы не всегда фотогеничны.

— И коня у меня нет.

— Хотите, проработаем отсутствие коня?

Смерть медленно подняла глаза.

— Нет.

— Я так и подумала.

Мирослава аккуратно забрала карту, положила её между ними и вдруг стала серьёзной.

— Знаете, что самое интересное?

— Что?

— В таро карта Смерть часто не про смерть. Она про за-

вершение старого и переход к новому.

Смерть посмотрела на неё так, что у Мирославы на секунду сбился голос.

— Я понимаю, как это прозвучало, — быстро добавила психолог. — Учитывая вашу должность.

— Учитывая меня.

— Да. Учитывая вас. Но сейчас это важно. Даже ваша карта говорит не “конец”, а “переход”.

— Моя карта говорит “Смерть”.

— Потому что вы пока не готовы услышать дальше.

— Вы сейчас спорите со мной о смерти.

— Да, — Мирослава неожиданно улыбнулась. — И, честно говоря, это лучший день моей практики. Если я выживу, конечно.

— Не увлекайтесь.

— Поздно.

Она снова взяла блокнот и что-то написала. Смерть уже знала, что смотреть бесполезно: Мирослава всё равно прикроет ладонью. Но в этот раз та не прикрыла.

На странице появилось:

Нужно земное имя. Срочно. Не “Смерть”. Иначе роль победит человека.

— Я не человек, — сказала Смерть.

— Вот именно, — Мирослава ткнула ручкой в блокнот.

— Поэтому вам тем более нужно земное имя.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Смерть, вы пришли на Землю. Вы сидите в моём кресле. Вы держите жалобу на эмоциональную недоступность. Вы спорите с картами и моим шарфом. Вам нужно имя, с которым можно выйти на улицу и хотя бы на полчаса не быть концом всего живого.

— Я и есть конец.

— Нет, — Мирослава резко покачала головой, и в этот раз в её голосе появилась настоящая сила. — Вы привыкли так думать. Для людей вы конец. Страх. Последняя дверь. Но если вы хотите найти себя не как функцию, вам нужно имя не про конец.

Смерть молчала.

Мирослава смотрела на неё с тем самым выражением, которое у неё, вероятно, появлялось перед продажей дорогого курса. Только сейчас она не продавала курс. Она продавала Смерти возможность на несколько минут перестать быть Смертью. И в этом была опасность.

— Вера, — сказала Мирослава.

Смерть не сразу поняла.

— Что?

— Вера.

— Нет.

— Да.

— Это имя?

— Ваше временное земное имя.

— Нет.

— Да.

— Я не Вера.

— Пока нет.

— И не буду.

— Посмотрим.

— Не посмотрим.

— Уже смотрим.

Смерть наклонилась вперёд.

— Почему именно Вера?

Мирослава улыбнулась, но не насмешливо. Скорее осторожно, как человек, который держит в руках спичку рядом с бочкой смысла.

— Потому что для людей Смерть — это конец. А вера — это то, что остаётся, когда они боятся конца.

Смерть застыла.

Мирослава продолжила тише:

— Вы приходите туда, где у людей всё рушится. Они видят в вас страх. Может быть, потому что вы сами давно согласились быть только страхом. А Вера — это имя, с которым можно попробовать не пугать себя первой же мыслью о себе.

— Я не обязана быть надеждой.

— Не обязаны.

— Я не утешение.

— Нет.

— Я не спасение.

— Нет.

— Я завершение.

— Да, — мягко сказала Мирослава. — Но даже завершение может быть не только ужасом. Иногда конец тоже держится на вере. Кто-то верит, что боль закончится. Кто-то — что его встретят. Кто-то — что не зря жил. Кто-то — что успел любить. Вы всё время стоите рядом с чужой верой и делаете вид, что это не имеет к вам отношения.

Смерть смотрела на неё неподвижно.

В кабинете было тихо. Даже подъезд, казалось, перестал шуметь. Только где-то за стеной соседка сказала: “Картошку не трогай, она для супа”, и мир снова напомнил, что он не обязан быть торжественным.

— Это манипуляция, — сказала Смерть.

— Да, — честно ответила Мирослава. — Но красивая.

— Манипуляция не становится лучше от красоты.

— Иногда становится понятнее.

— Я не Вера.

— Тогда докажите, что вы не только Смерть.

Это был удар.

Не громкий. Не грубый. Но точный. Смерть почувствовала, как внутри поднимается холодная раздражённая волна. Она могла бы сейчас встать. Открыть дверь. Уйти. Внести Мирославу Селену в список странных людей, которых не

стоит слушать. Вернуться в кабинет. Работать.

Но вопрос остался.

Не только Смерть?

А кто?

— Мне не нужно ничего доказывать, — сказала она.

— Мне — нет, — согласилась Мирослава. — Себе — возможно.

— Я пришла не за этим.

— Конечно. Все приходят не за этим. Один пришёл вернуть жену. В итоге начал платить алименты без суда. Другая пришла узнать, когда выйдет замуж. В итоге впервые в жизни уволилась с работы, где её ели без соли. Третий пришёл снять порчу, а снял комнату отдельно от мамы. Запрос редко знает, зачем пришёл.

Смерть неожиданно спросила:

— А ко мне вы что применяете? Таро, психологию или эту вашу женскую энергию?

Мирослава задумалась.

— Всё, что сработает.

— Ненаучно.

— Зато честно.

— Опасно.

— Безусловно.

— Самоуверенно.

— Очень.

— Вы понимаете, с кем говорите?

Мирослава посмотрела на карту Смерть. Потом на настоящую Смерть. Потом на свою запись “дышать”.

— Да, — сказала она. — И именно поэтому говорю. Кто ещё вам это скажет?

Смерть не ответила.

Аркадий Ильич сказал бы иначе. Сухо. Осторожно. Через ворчание. Шеф, возможно, промолчал бы так, что выводы пришлось бы делать самой. Канцелярия вообще ничего бы не сказала, пока не появилась бы форма.

А эта странная женщина говорила прямо. Нагло. С уверенностью, которую хотелось конфисковать. И этой бесящей атребутикой. Но говорила.

Мирослава почувствовала, что Смерть больше не уходит, и перешла в наступление.

— Хорошо, Вера...

— Смерть.

— Смерть. Ответьте: вы устали быть собой или тем, кем вас все считают?

Смерть замерла.

Мирослава чуть подалась вперёд.

— Вот. Это уже не раздражение. Это пауза. Пауза — значит, попали.

— Вы слишком довольны собой.

— Я редко попадаю в Смерть с первого вопроса. Дайте насладиться.

— Вы не попали.

— Тогда ответьте быстро.

Смерть молчала.

Мирослава мягко кивнула.

— Вы не знаете.

— Знаю.

— Тогда скажите.

— Я устала от людей.

— Нет.

— От жалоб.

— Нет.

— От работы.

— Почти.

Смерть сжала пальцы на подлокотнике.

— Не играйте со мной.

Мирослава заметила это движение, но не отступила.

— Вы устали от того, что вас никто не видит за работой.

Только должность. Только образ. Только чёрное. Только ко-
са. Только “пришла — значит, виновата”. Вы не устали быть

Смертью. Вы устали быть чужим страхом.

Смерть резко поднялась.

Кресло отодвинулось назад.

Свеча погасла.

Мирослава побледнела, но не замолчала.

— Вот, — тихо сказала она. — Боль.

— Достаточно.

— Конечно. На сегодня достаточно. Но вы это услышали.

— Я слышала чушь.

— Нет. Чушь вы отбрасываете сразу. А это вас разозлило. Смерть посмотрела на неё сверху вниз.

— Вы очень смелая для человека, у которого смертность стопроцентная.

— А вы очень уставшая для той, кто делает вид, что ей всё равно- дерзко ответила Мирослава.

Они стояли друг напротив друга. В кабинете пахло погасшей свечой, травами и чем-то уже неудобным. За дверью подъезда хлопнула дверь. Мир продолжал жить, пока в маленьком кабинете одна женщина пыталась лечить Смерть от Смерти.

Наконец Смерть тихо сказала:

— Я не буду называться Верой.

Мирослава чуть улыбнулась.

— Хорошо.

— Даже временно.

— Конечно.

— И на земле тоже.

— Разумеется.

— Вы записали?

— Да, — быстро соврала Мирослава.

Смерть посмотрела в блокнот.

Там крупно было написано:

ВЕРА. ВРЕМЕННО. СОПРОТИВЛЕНИЕ ОГРОМНОЕ. ПОПАДАНИЕ ТОЧНОЕ.

— Зачеркните.

— Не могу.

— Почему?

— Рука не поднимается.

— Я помогу.

— Это будет не терапевтично.

Смерть медленно выдохнула.

— Вы невыносима.

— Зато я живая.

— Пока.

— Вот видите, вы уже шутите.

— Я информирую.

— У вас это называется шуткой.

Мирослава взяла новый лист, быстро написала на нём несколько строк и протянула Смерти.

— Домашнее задание.

— Нет.

— Да.

— Я не ваша клиентка.

— Вы пришли, сели, испугали меня, вытащили карту Смерть, получили имя Вера и чуть не погасили свечу силой внутреннего сопротивления. Это уже терапевтический контракт, просто без оплаты.

— Я не подписывала.

— Вы присутствовали.

— В Канцелярии за такое увольняют.

— У нас частная практика. Здесь за такое выставляют счёт.

Смерть не взяла лист.

— Что там?

Мирослава прочитала вслух:

— “Практика первая. Один день наблюдать, где я действую из долга, а где из выбора”.

— У меня везде долг.

— Вот и проверим.

— Я не буду.

— Конечно не будете, — легко сказала Мирослава. — Поэтому я вам его всё равно дам.

На листке крупно стояло:

ВЕРА. ПРАКТИКА №1.

Где я выбираю себя?

Смерть посмотрела на имя.

— Уберите.

— Нет.

— Мирослава.

— О, вы запомнили моё земное имя. Контакт углубляется.

— Не радуйтесь.

— Поздно.

Смерть взяла лист двумя пальцами, как опасную улику.

— Я выброшу.

— Конечно.

— Сожгу.

— Разумеется.

— Завершу.

— Главное — не потеряйте.

Смерть направилась к двери. У самой двери остановилась.

— Вы правда в восторге?

Мирослава, которая уже потянулась поправить погасшую свечу, замерла.

— Что?

— Вы испугались. Это ясно. Но вы ещё и в восторге.

Мирослава медленно выпрямилась. На лице у неё мелькнул стыд. Совсем человеческий, маленький, тёплый. Потом она развела руками.

— Да.

— Почему?

— Потому что ко мне пришёл такой клиент, о котором невозможно мечтать, если у тебя есть хоть какие-то остатки адекватности. Потому что если Смерть устала, значит, весь мир действительно нуждается в терапии. Потому что я испугалась до дрожи, но одновременно подумала: “Мира, это твой шанс понять что-то настоящее”. И потому что я тоже тщеславная. Простите.

Смерть смотрела на неё молча.

— Это честно, — сказала она наконец.

— Да.

— Неприятно.

— Тоже да.

— Лучше, чем ваши свечи.

— Ничто не лучше моих свечей, но спасибо.

Смерть открыла дверь.

— Я не вернусь.

Мирослава кивнула слишком быстро.

— Конечно.

— Это не “сопротивление”.

— Нет.

— И не “тема живая”.

— Ни в коем случае.

Смерть вышла на лестничную площадку.

Дверь уже почти закрылась, когда из кабинета донеслось:

— До встречи, Вера.

Смерть остановилась.

На лестнице как раз поднималась соседка с пакетом картошки. Она увидела высокую женщину в чёрном, услышала “Вера” и прижала пакет к груди так, будто картошка могла защитить от любых вопросов мироздания.

— Вы к Мире? — спросила соседка шёпотом.

Смерть посмотрела на неё.

— Уже нет.

— Помогает?

Смерть хотела ответить “нет”. Это было бы просто. Коротко. Точно.

Но в руке у неё был листок с нелепым именем и вопросом,

который хотелось уничтожить немедленно.

— Рано говорить, — сказала она.

Соседка уважительно кивнула.

— Значит, хорошо помогает. Я после первого раза тоже всех ненавидела.

Смерть спустилась вниз.

На улице шёл мелкий дождь. Люди прятались под зонтиками, ругались в телефоны, перебегали лужи, толкались у остановки, покупали кофе, опаздывали, жили. Машины шипели по мокрому асфальту. В витрине аптеки мигала реклама успокоительного. У подъезда кто-то оставил самокат так, что об него обязательно должен был кто-нибудь споткнуться. Мир был беспорядочен, шумен, раздражающ и очень занят собой.

Смерть остановилась под козырьком и посмотрела на листок.

ВЕРА.

Где я выбираю себя?

Она сложила его пополам.

Потом ещё раз.

Потом ещё.

Получился маленький плотный прямоугольник, который было удобно выбросить.

Смерть подошла к урне.

Поддержала листок над ней.

Не выбросила.

Это разозлило её сильнее всего.

Телефон в кармане тихо пикнул.

Сообщение от Аркадия Ильича:

Вы где?

Смерть набрала:

На консультации.

Пауза.

Ответ пришёл не сразу.

У врача?

Смерть посмотрела на дождь.

Хуже.

Ещё пауза.

У психолога?

Смерть не ответила.

Через секунду Аркадий прислал:

Я слишком стар, чтобы паниковать. Но Вам удастся

это сделать.

Смерть почти улыбнулась.

Почти.

Потом убрала телефон, листок с именем Вера положила во внутренний карман и пошла сквозь дождь.

Позади, на третьем этаже, Мирослава Селена стояла у окна, прижимая к груди блокнот.

Руки у неё всё ещё дрожали.

Зато глаза сияли.

— Смерть на терапии, — прошептала она. — Мира, только не испорти.

Потом посмотрела на карту Смерть, лежащую на столе, и добавила уже тише:

— Хотя кого я обманываю. Уже начала.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.